

АЛЕКСЕЙ ШЕХОВЦОВ
ЧЕРНЫЙ
ВЛАСТЕЛИН

Наши там (Центрполиграф)

Алексей Шеховцов

Чёрный властелин

«Центрполиграф»

2012

Шеховцов А. А.

Чёрный властелин / А. А. Шеховцов — «Центрполиграф»,
2012 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-03490-8

Когда царь царей Абиссинии сетовал на то, что его старший сын не унаследовал ни капли мудрости их великого предка Соломона, он и не надеялся быть услышанным ни Богом, ни Дьяволом. Но... Однажды в келье горного монастыря пришёл в себя после падения с лошади не наследник Ямба Цион, а человек, которому предстояло родиться ещё через восемь веков. Наделённый американской практичностью и широтой русской души, на землю Африки ступил Чёрный властелин...

ISBN 978-5-227-03490-8

© Шеховцов А. А., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Шеховцов

Чёрный властелин

Глава 1

Куда наша не попадала

Вроде бы я живой... Да, точно живой. Чтобы я ещё раз пошёл в грозу выносить мусор, да к чертям собачьим такие приключения! И благоверная моя: «Завтра мусорный день, завтра мусорный день...» Ёкарный бабай, ну не утонули бы мы в мусоре за два дня, до следующего объезда мусороуборочной машины! А сейчас ещё платить за госпиталь – медицинская страховка-то большую часть счёта оплатит, но и оставшегося на пару тысяч, пожалуй, наберётся... Американская медицина, может, и не самая-самая лучшая в мире, но уж точно самая дорогая. Банковский счёт, между прочим, не резиновый. М-да. Не хило меня долбануло, но руки-ноги чувствую, значит, всё должно быть в порядке. Жарковато только. Ну ладно, пора открывать глаза...

Что-то здесь не так. Потолок белый, известковый, светло... На госпиталь совсем не похоже, да и не дома я. Вот же фак, то есть что за чертовщина?

– ТВОЮ МАТЬ!..

...Сердце понемногу успокаивалось. Я тупо смотрел на свои руки, и в голове крутилась единственная мысль: ненавижу две вещи – расизм и негров. Мои руки были чёрные. Я – негр. Нет, без шуток, натуральный негр. Лапы чёрные, ногти плоские, ладонки розовые. Мама, я сбрендил?

Смотрю на руки... облизываю палец, тру кожу – может, всего лишь грязь? Повторяю снова. И снова. И ещё раз. И ещё... В голову приходит, что американские психологи описывают пять ступеней, через которые проходит сознание человека, попавшего в шокирующую ситуацию. Врут бессовестно, так как у меня сейчас именно шокирующая ситуация, а ступень одна – глубочайшее охренение.

Из ступора меня вывело появление толстой черномазой морды, восторженно мне что-то лопочущей. Офигеть! Здесь целый рассадник негров!

– Принц Ягба Цион, ты пришёл в себя!

Жирный негр говорил на откровенной тарабарщине, но каким-то таинственным образом я слышал родную русскую речь. Точно – спятил.

– В ...ду я пришёл, а не в себя. Где я?

Я далеко не оправился от глубокого ох...ренения, а когда я не в себе, я матом не ругаюсь, я на нём разговариваю.

– Принц, ты в монастыре Истифания на озере Хайк. Две недели назад ты упал с коня во время охоты, мы боялись, что Господь заберёт тебя к себе. Я немедленно извещу негуса нагаста о том, что ты пришёл в себя!

Толстяк дёрнулся к двери.

– Стоять!

Негр замер на месте.

Мысли скакали в голове. Принц – это какая-то дикость, какой ещё на... принц? Опять же – я негр! Где я вообще?! Где моя жена, ребёнок, дом? Может, это очередной левый сон? Ира, разбуди меня, пожалуйста, из этого кошмара! Потом, какой к...ям Ягба чего-то там? Это имя мне ничего не говорит, но вот... негус нагаст... по-моему, это... Абиссиния? Или Эфиопия?

Или один хрен? Потом конь... вообще-то да, я падал с коня, но, во-первых, не падал, а прыгал, во-вторых, мне было тогда тринадцать лет, а в-третьих... я не был негром!

Я приподнялся на кровати, оперевшись на локти, и присмотрелся к толстяку. Грузный, немолодой афроамериканец был одет в белую робу до пола, отделанную голубым цветом около ворота. А не пациент ли он психушки? Вместе со мной. То есть мы оба на лечении, и он мне наносит дружеский визит. Комната, где мы находились, была довольно просторной, с голыми белыми стенами и потолком. Ну хоть не пэддед рум – мягкая комната, в которой держат буйных психов. Лампочки, правда, не видно. Стекла в окне тоже не было, и с улицы поддувал тёплый ветер. Даже кондиционер отсутствовал. Собственно, в комнате нет ничего кроме меня, кровати и (долой политкорректность) черножопого пузана. Если это дурка, то довольно необычная. За окном виднелись вода и далёкий берег. Ничто из этого не давало подсказок о том, где я, как я сюда попал и что... на... здесь происходит. Ну что же, попробую очевидный подход.

– Ты вообще кто?

Понимаю, что к незнакомым людям на ты невежливо, но мне сейчас не до манер.

– Я Жен, лекарь при монастыре, неужели ты не помнишь меня, мой принц?

Гы? Какой ещё монастырь? И почему он меня называет принцем? Пересадка мозга? Тихое помешательство?

– Я сейчас ни... не помню. Ты говоришь, я долбанулся с коня?

– Да, мой принц, прости меня, но я должен сейчас же сообщить твоему отцу. Я пришлю слугу к тебе.

– Ну давай.

Спорить у меня не оставалось сил, так что я просто откинулся обратно на кровать.

Толстяк ломанулся за дверь. За ней я заметил парочку чёрных амбалов. Так что же, я, получается, действительно принц? Интересно. Я попытался встать. Получилось не очень. Я чудом не гробанулся с кровати... силы в ногах почти не было. Толстый... Жен говорил, что этот... Ягба, короче, моё тело, хряпнулся с коня две недели назад. Не знаю, после двух недель я бы, пожалуй, не смог даже двинуться. Наверное, местные эскулапы массировали мою тушку, пока я лежал. Но всё равно не сладко. Жрать хотелось страшно. Пить не очень, но во рту всё равно как кошки посрали. Интересно, они меня кормили? Или не меня? Блин, как трудно отождествлять себя с негром. Как увижу свою кожу, жуть берёт.

Я доковылял до окна. Амбалы за дверью внутрь не заходили, но это, наверное, к лучшему. Ладно, подведём итоги. Я вроде как в Эфиопии. Когда – не знаю. Понимаю местную мову. Как – тоже не знаю. Надеюсь, что это связано с тушкой донора. Хотя, кроме языка, никаких знаний и воспоминаний пока нет. Вроде как я местный принц. Это плюс. «Батька» – негус нагаст. Получается, что он не мелкий феодал, а царь вся Эфиопии. Причём не Аксума. Спасибо дедушке Веберу – написал про Аксум в книге о Белисарии, а я не поленился слазить в Википедию. Блин... Но как я попал в эту дупу? Молния? Ладно, пока оставим это. Надо собраться с мыслями, пока «батька» не явился.

Продолжим собирать мысли... По кусочкам. В минусе – я негр. В плюсе – я не маленький негр и вроде как не уступаю себе в габаритах. Минус – моё сало. Сто двадцать кэгэ отборного пиндосского¹ сала заменили пока неясным весом «легкоусвояемого чернозадого мяса». Хмм. Меня потянуло на юмор, может, не всё ещё потеряно и крыша у меня не съехала. Ах да, ещё у меня здоровенный обрезанный фаллос (я посмотрел в штанах). Но я негр. Православный негр – на шее висит нехилый нательный крест.

¹ Пиндос – разговорное название американцев. До начала XXI века больше употреблялось для обозначения греков, живущих на берегу Азовского моря.

Положа руку на сердце, я – расист. Да, да, именно расист. Не экстремист – делать мне нечего, кроме как линчевать обезьян по ночам. Но расист принципиальный, с убеждениями, основанными на долгой жизни среди ленивых, наглых, тупых... да, в общем, чёрт с ними.

И теперь я – негр! Ну и ирония... Всевышний, наверное, ухохатывается. Может, убиться об стенку? Но не факт, что я вернусь домой, к своим. Что делать? Толстый сказал, что я грохнулся с коня, так что буду пока косить под амнезию. Надеюсь, прокатит. С этой мыслью я уселся на кровать и стал ждать кого-нибудь.

Долго ждать не пришлось. За дверью затопали, и ко мне вошли три мелковатых негра. Одеты они были в хламиды, наподобие той, что была на толстяке, и несли с собой дары в форме белой одежды и бадьи с водой. Наверное, послушники монастыря. Амбалы за дверью так и стояли. Да уж, этих хоть сейчас ставь на охрану мавзолея.

– Позволь омыть и переодеть тебя, принц, – обратился ко мне самый смелый из парней.

Я молча кивнул и встал, со второго раза получилось лучше. Идея отдать себя в руки трёх мужиков-негров меня отнюдь не возбуждала – у нас в стране гомиков, конечно, много, но я к ним симпатии никогда не испытывал. К несчастью, приходилось соответствовать.

Ага, сейчас. Я честно терпел, пока три этих гома (ну а как ещё назвать мужика, который добровольно лапает другого мужика?) снимали с меня штаны, обливали водой (прямо в комнате!) и тёрли спину чем-то похожим на губку, но когда один из них полез мыть мне, гм, половые органы, я не сдержался. Мелкий негр отлетел к окну.

– Руки прочь от царского хрена, ...асы! – взревел я.

Адреналин закипел в крови – мозолистая коричневая рука, гнусно тянущаяся к самому сокровенному (пусть и непривычному), привела меня в бешенство. Борьба борьбой, но гомофобию свою я, похоже, так и не вылечил.

На этот раз амбалы вбежали в комнату. С саблями наголо. Зрелище, наверное, было прекомичное. В проходе два чёрных шкафа в юбках и с саблями. У окна лежит ошарашенный монашек с набухающим фингалом. Ещё двое таких же (правда, без фингалов) жмутся в углу, с бадьёй воды и губкой. А посередине стоит мокрый голый негр, одну руку сжав в кулак, а другой – прикрывая хозяйство.

– Принц! Прости нас, мы не содомиты! – пропищал монашек с бадьёй.

Я заставил себя сделать три глубоких вдоха. Слава богу, амбалы стояли с саблями и не вмешивались. Спокойствие, это всего лишь извращенцы. Пассивные. Тьфу, мерзость.

– Так. Бадью на пол. Все вон. Дверь закрыть. Не входить, пока я не позову.

– Повинуемся.

Думаю, монашки были ошарашены не менее моего, особенно если такое групповое омоение у них в моде. Чёрт, срываюсь. Про амбалов вообще ничего не могу сказать – лица каменные, как у статуй. Я вздохнул и взялся за полупустую бадью, надо бы домыться – ибо духан. А принц был не слабый парень – я бы это ведро одной рукой, конечно, поднял, но вот так запросто его держать не получилось бы.

Как же меня нервирует моё новое тело. Ополаскиваю этот здоровый обрезанный болт и чувствую себя то героем порнофильма, то гомиком-извращенцем. Нет, на Небесах иронию любят. Мало того что в негра, так ещё в обрезанного негра... Сразу вспоминаются беседы с Аmandой о вреде обрезания в современной Америке. Япона мать, надо бы повспоминать мои «пунктики» – чую, что по каждому из них ждёт меня беспощадный облом. Не дай бог на настоящих содомитов нарваться. А вот интересно, я же назвал их п...ми... Наверное, мозг сам перевёл по смыслу. Иначе бы эфиопы не поняли, при чём здесь греческие растлители малолетних. Или поняли бы? Чёрт, в голове сплошная солянка. С матом, наверное, лучше завязывать... если получится. До сих пор трясёт. С другой стороны, постельная слабость, похоже, выветрилась. Никак этот... принц был атлетом, а не просто себя в форме держал. Пресс как у образцового боди-билдера. Шварц не впечатлится, но и я могу ему больше не завидовать.

Закончив водную процедуру, я сграбастал с кровати полотенце. Или то, что мне им показалось. Из одежды наличествовали широкие штаны на тесёмках (Ура! Да здравствуют штаны!) и хламида с золотистой вышивкой. С грехом пополам я облачился. Со штанами было легко, но хламида поначалу была загадкой. Облачившись, я более или менее успокоился. Загребущие гомские лапы меня более не пугали – хламида защитит правоверного американца от ультраевых поползновений и прочего ахтунга.

Окинув комнату взглядом, я остановился на бадье. Зеркала нет, так что использую замечатель. Узрев своё отражение, я с трудом удержался от очередного крика или потока ругани. Я был негром, обрезанным кучерявым негром с жидкой бородкой и усами. Мама, роди меня обратно. Хотя лучше не надо – мало ли какая коричневая мама была у этого негра. Судя по жидкой растительности и несколько прыщавой морде, принц был ещё пацаном. Я устало вздохнул – всё веселее и веселее. Ну да ладно, будем жить в чём есть, может, скоро проснусь или придут добрые дяди в белых халатах с уколом и смиренной рубашкой. Тем более что я совсем запамятовал о кошачьих отходах во рту.

Я решительно открыл дверь. Амбалы, похоже, решили стать оплотом стабильности в моём мире и сейчас неизменно сторожили дверь. Три гадких монашка нервно жались друг к другу в паре шагов от них.

– Ты, – я указал пальцем на лапавшего меня извращенца, – ..., с глаз моих долой. Увижу – пришибу.

Тот чесанул прочь по коридору.

– Теперь ты, – я указал на смелого, что заговорил со мной ранее, – разузнай, где лекарь Жен и где мой отец.

Как странно произносить это слово, подразумевая чёрт знает кого.

– А ты, – обратился я к третьему монашку, – принеси мне вина, чистой воды и два яблока. Надеюсь, в Эфиопии яблоки растут или хотя бы мой мозг найдёт правильный перевод.

– Солдаты, благодарю за службу, так держать!

Игнорировать амбалов мне показалось неприличным.

– Служим царю! – перевёлся мне их ответный рявк.

Да, с армией надо дружить в любой ситуации.

Я вернулся в комнату, сел на кровать и снова уставился в окно, нервно хихикая про себя.

Йикуно Амлак, негус нагаст – царь царей и повелитель Эфиопии, – пребывал в скверном расположении духа. После глупейшего случая на охоте старший сын негуса уже две недели пребывал в беспамятстве. Если он умрёт, то династия правителей из народа амхара, скорее всего, прервётся, не успев толком закрепиться на троне. Негус может не успеть вырастить и подготовить к царствованию младшего сына, хоть задатки у того значительно лучше, чем у старшего брата-раздолбая. А слабого правителя не спасёт и родословная, исходящая от самого царя Соломона. В конце концов, князя Агау умудрились править амхара, несмотря на то что не имели к староаксумской династии вообще никакого отношения. И если бы не помощь Текле и Йесуса-Моа, то они до сих пор сохраняли бы свою позицию.

Зря, зря он тратил всё своё время на непутёвого первенца. Как же некстати. Правитель умудрился вытащить трон из-под последнего царя династии Загве (что, кстати, значило «от Агау»), сплотить могучий союз с церковью и заложить основы для объединения разрозненных земель, наследниц славы Аксума. Полки Шоа поставили прочих негусов на место, и солнце вновь взошло над многострадальной Эфиопией. А теперь все эти планы на будущее практически рухнули из-за глупого мальчишки.

И теперь негус ходил по монастырю, в котором вырос сам, и молил Господа, чтобы его непутёвый сын пережил последствия своего падения. Он сжал кулак. Да, как отец Йикуно Амлак любил своего сына, но как правитель он был разочарован. Ягба Цион предпочитал воин-

ские забавы, вроде верховой езды и махания саблём, искусству правления. Та же охота. Возможно, какой-нибудь правитель и радовался бы тому, что у него растёт «настоящий мужчина», но негус, выросший в монастыре, как никто другой понимал, что истинная сила царя не в его руках, а в его голове. Царь – это не вождь дикарского племени, который может позволить себе мериться удом и дубинкой с другим таким же вождём. Царь должен мыслить о десятках городов, о сотнях соперников, о многих тысячах подданных. Царь – стратег, а не солдат, и грош цена тому правителю, что забывает об этом.

Мысли негуса нагаста вернулись к стране. Давно прошли времена, когда грозный Аксум глядел свысока на страны Красного моря. Побеждённые мусульманами аксумцы уже сотни лет как практически оставили древнюю столицу и сместились от побережья в глубь Африки, ближе к южным горам, оставив арабам контроль над торговлей на Эритре таласса. Упадок был долгим. Города опустели, и потомки грозных повелителей моря кочевали среди гор, а не волн.

Как ни странно, благодарить за возрождение Эфиопии следовало не детей Аксума, а Лалибелу, правителя из кушитской династии Загве. Этот негус, вступивший на трон почти сто лет назад, сумел остановить медленное отступление эфиопов перед их исламскими соседями. Его угроза отвести воды Голубого Нила от земель Судана и Египта до сих пор жила в памяти у магометанских правителей. И не зря: столица Лалибелы Роха (что, впрочем, уже носила имя прославленного царя) была усыпана прекрасными церквями – свидетельством искусства и мастерства эфиопских зодчих.

Но ничто не вечно. Потомки Лалибелы не унаследовали его величия. К тому же они не были амхарами, так что, когда погрязли в междоусобицах, Йикуно Амлак собрал под свои знамёна армии амхара и принудил последнего из Загве передать трон негуса нагаста потомку Соломона. То есть самому Йикуно. К счастью, гражданской войны не последовало – Етбарак, обескровленный борьбой с собственным кузеном, видел, что не имеет шансов противостоять союзу амхара и церкви, и обменял высокий титул на спокойную старость в качестве «простого» негуса своего племени.

Сейчас повелитель Эфиопии понимал, насколько тяжелыми должны были быть последние дни Лалибелы, ведь его племянник и сын начали грызться за трон ещё при жизни царствующего предка. И ведь наследники Загве были хотя бы из его династии, а Йикуно теперь рисковал стать первым и последним правителем из своего рода. Проклятие. Ещё один династический кризис может доконать страну. Негус нагаст был умён, он видел разницу между величественным Аксумом и более молодой Рохой. Несмотря на всё величие легендарного Загве, его столица блистала меньше, чем город-прародитель. А самое худшее – Йикуно был совсем не уверен, что его зодчие смогут повторить достижения столетней давности. Да что далеко ходить – посылая подарки далёкому императору Константинополя, правитель амхара был вынужден использовать диковинных зверей – жирафов, – а не какие-либо творения своих подданных.

От голодных волков-соседей Эфиопию спасала лишь многочисленность её народа, и случись стране погрязнуть в кровавой усобице (а иными войны за трон бывают редко), она рискует быть съеденной магометанскими султанатами. Конечно, после смерти Йикуно Амлака его наследника поддержат церковные иерархи. Текле Хайманот – потому как прекрасно понимает, что его благополучие зависит от нынешнего порядка, а Йесус-Моа – просто потому, что он глубоко верующий. Но мало ли что. Вдобавок акабэ сзат много старше царя с главою церкви Текле Хайманотом, и кто знает, сколько ещё лет ему отмерено.

Негус невольно улыбнулся. Старый учитель был одним из тех чудовищно редких людей, что становятся великими, несмотря на отсутствие амбиций, а просто живя по законам Божиим. Да, царь не может быть излишне добрым, и вести христианский образ жизни для него не только невозможно, но и нежелательно. Но всё же живой пример натурального святого даром не проходит...

– Негус нагаст! – Крик монастырского лекаря разорвал тишину горьких размышлений. – Твой сын очнулся!

Монашек обернулся быстро. Никак моя комната (келья?) находится поблизости с кухней. Это радует. Также радует, что яблоки в Эфиопии, видимо, тоже растут. Да и парень этот весьма догадливый – на подносе кроме пары кувшинов и яблок стоит глиняный стакан с какой-то пахучей жидкостью и деревянной кисточкой, здорово напоминающей зубную щётку². Моя тушка, похоже, прекрасно знала, как ею пользоваться, поскольку чистила зубы без моего сознательного вмешательства. Прополоскав вином рот, я сплюнул в окно. Во рту заметно посвежело. Кстати, с гигиеной надо что-то делать – мокрый пол после «омовения» здесь, кроме меня, никого не волнует.

Я вгрызся в яблоко и кинул второе монашку:

– Как тебя зовут, мелкий?

– Жен, мой принц.

– Как лекаря, что ли?

– Да.

Нервозности в монашке поубавилось. Видно, после того, как принц, то бишь я, поделился с ним яблоком, он понял, что бить (и не только) его не будут. Около минуты мы молча похрустели яблоками, и мне в голову пришла мысль. Амбалы амбалами, но источники информации мне не помешают. Тем более что послать мелкого подальше никогда не поздно... главное, лишнего не наболтать. Так что, раз я – какой-то здешний принц, то...

– Жен, ты уже принял обеты монашества?

– Нет, что ты, мой принц, я ещё слишком молод. В монахи постригают в намного старшем возрасте.

Блин, прокол на проколе, проколом погоняет. Не Штирлиц я... отнюдь не Штирлиц.

– Что-то у меня в голове после удара всё перемешалось. Жен, а какой вообще сейчас год от Рождества Христова?

Монашек посмотрел на меня с изумлением и проговорил:

– Тысяча двести семьдесят второй.

Я осел на кровать.

Негритянскую мать! Где мои атрибуты цивилизации: кефир, клистир и тёплый сортир? Тринадцатый век! Дремучее Средневековье. Ренессансом ещё не пахнет. До Куликовой битвы сто лет.

Перед глазами встала карта из одной компьютерной игрушки. Египет под мамелюками. В Африке сплошные дикари. Византия дышит на ладан... Красота, блин. Крестовые походы вроде как закончились. Или ещё нет? Не важно, крестоносцам больше ста лет назад надавали по сусалам, и больше до времён королевы Виктории Европа на Ближний Восток не полезет. А я, получается, – принц древней Эфиопии, которая следующие лет восемьсот будет чуть ли не задницей нашей планеты. Чёрной задницей планеты.

Нет, ну почему все вокруг попаданцы как попаданцы. Кто в СССР, кто в Российскую империю, кто в Киевскую Русь. А меня – к неграм. Хочется ругаться матом и бить авторов книг ногами. Хотя нет, читал я про одного – тот вообще в Древний Египет попал. К фараонам. Рабом. Так что лучше не жаловаться, всегда может быть хуже. Я с опаской посмотрел на небо.

– Ладно, Жен, вали отсюда. И пришли кого-нибудь с тряпкой – вытереть пол.

– Мой принц, может, ты предпочтёшь подождать негуса нагаста в монастырском саду? – спросил меня монашек.

² Исламская зубная щётка, известная со времён пророка Мухаммеда, весьма эффективна.

А вот это идея. Продолжать мочить ноги на полу мне не хотелось. Надеюсь, внешний вид монастыря даст мне ещё немного информации.

– Веди меня.

Монашек открыл дверь и засеменил по коридору. Я прошёл за ним и оглянулся на амбалов:

– Стражи, за мной.

Накачанные негры последовали за нами. Думаю, что их постоянное присутствие за последние полчаса помогло спасти мой рассудок. Кстати, об этом самом – я же понятия не имею, сколько прошло времени с моего пробуждения. Часов здесь нет.

Большинство зданий монастыря оказались новостроем. То ли недавно имело место кардинальное расширение, то ли восстанавливали разрушенное. Не знаю, а спрашивать не хочу. Комната моя была в здании на оконечности монастыря. То ли восточной, то ли западной... Ещё бы знать, утро сейчас или вечер. Мелкий Жен провёл нас мимо ещё нескольких зданий, одно из которых было в процессе достройки, и до башни, которая выглядела явно старше всего остального и стояла нетронутой с давних времён. Похоже, что это местная церковь, так как на крыше был сияющий позолотой крест. Кстати, слава богу, что я в православной стране. Попал бы к мусульманам, и песец. Три жены, конечно, класс, но жить без свинины не хочу. Хочу сала. Блин, жрать хочу! Яблоко не спасёт отца Эфиопской монархии. Но Господь – юморист каких мало – засунул убеждённого анархо-либертарианца в тушку черномазого принца. Интересно, здесь как, племенной строй, деспотизм или уже продвинутый феодализм?

Негро-Сусанин свернул направо и довёл нас до местного сада. Что-то смущает меня этот сад. Оливки я понимаю, но вот с какого хрена в Африке растёт джунипер? Кстати, как джунипер по-русски?... Интересно, моя тушка сможет перевести английский на эфиопский? Лучше не рисковать. Вспомнил, джунипер – это можжевельник. Буду гнать джин из можжевельника, стану алкогольным царём Африки. Чёрт, опять крышу сносит... Фокус, фокус. Вернёмся к нашим баранам. Откуда в Африке можжевельник? И почему мне совсем не жарко? Солнце стоит высоко... блин, может, какой-то параллельный мир с неграми в Европе? Карта. Карта... Я плюхнулся прямо на траву и крепко задумался. Амбалы пристроились за спиной, а мелкий юркнул под оливковое дерево.

Минут через десять (хотя чёрт знает, сколько их прошло) меня озарило. Я вспомнил, что в Африке есть великий Африканский рифт, то есть разлом. (Кстати, надо следить за англицизмами даже в мыслях, а то ещё на экзорцизм нарвусь, если тушка облажается с переводом.) А вокруг этого разлома идёт, по-моему, плато, и плато это как раз в районе Африканского Рога, где находятся всякие Сомали и Эфиопии. Точно, в «Железных сердцах»³ почти вся Эфиопия показана как горы и холмы. А из этого следует, что озеро Хайк (ну и названия у них) высокогорное. Отсюда и можжевельник плюс отсутствие жары. Думай, голова, тюрбан куплю. Если вспомнить наши любимые Гавайи, то хвойный лес на вулкане рос где-то на полутора-двух километрах от моря вверх. Скорее всего, это место находится на подобной высоте. Тут мне пришла в голову ещё одна мысль. Если я правильно вспомнил, то два километра в Африке – не потолок. То же Килиманджаро было под пять кэмэ или что-то около того. А горы должны быть ближе к разлому. И разлом то ли на восток, то ли на юг от Эфиопии. Я осмотрелся. На дальнем берегу озера гор видно не было. А вот на ближнем (монастырь оказался на небольшом полуострове) вроде что-то виднелось. Из обзора окрестностей я вынес две вещи. Первое – вечереет, но это не главное, а вот второе важнее: глазастая тушка заметила ораву, несущуюся

³ Компьютерная стратегическая игра «День Победы» о Великой Отечественной войне, английское название Hearts of Iron дословно переводится как «Железные сердца».

на лошадях к монастырю, и это значит – у меня минут десять до того, как я увижусь с «батской» моей чёрной задницы.

Адреналина в теле моего гормонального принца даже после двухнедельной лёжки было до... в общем, очень много. Хотя кто знает, меня тоже всегда прошибало на важных встречах. В голове назойливо жужжала мысль, что на интервью потенциального работодателя лучше встречать стоя, и я мигом поднялся с земли. Жен просёк, в чём дело, никак по моей озабоченной физиономии, и куда-то испарился. Даже амбалы как-то подтянулись.

Я начал медленно и глубоко дышать (майнд овер мэттер, тьфу, опять английский попёр, держим плоть в узде) и постарался в последний раз собрать всё, что я знаю о негусах. Негус нагаст – царь царей, совсем как у персов. Громкий титул им не сильно помог, но надо признать, что эфиопы были единственной африканской страной, которую не схарчила Европа. Аж до тридцать шестого года, когда итальянцы наконец захватили Абиссинию. Эфиопия – страна древняя. Аксум, как помнится, общался с византийцами, а у кушитов, если не врёт Рудазов, была страна ещё в шумерские времена. Хотя чёрт с ним, с Рудазовым, у него фэнтези. А вот Аксум вроде бы как имел отношение к библейской Шебе... Хотя нет, Шеба – это по-английски, по-русски... Саба? Да, царица была Савская. Ну почему я читал Вики на английском? И Ветхий Завет тоже. Не важно, главное, что в «батке» должна быть державная гордость, хоть страна и позорная.

Тем временем орава доскакала до старой церкви и направилась к нам. Уже видна была толстая рожа лекаря Жена. Богато одетый всадник впереди должен быть негусом. Всё, хватит думать, пора встречать.

Орава негров остановилась. «Батка» спешился и подошёл ко мне. Он был с меня ростом и, пожалуй, пошире в плечах. На взгляд ему было за сорок, но я плохо разбираюсь в возрасте эфиопских негров. Морда у него была бородастая, с лёгкой проседью, на голове – грива волос. Глаза... глаза мне напомнили генерального директора одной крупной компании, где я когда-то работал, – глаза добрые-добрые и лицо по-американски улыбочное, а надо будет, сей деятель сожрёт тебя и не подавится.

– Господь вернул тебя к нам, Ягба. – Негус обернулся к ораве: – Оставьте нас, я буду говорить со своим сыном.

Орава послушно повернула в монастырь, и мои амбалы почесали за ними. «Батка» же снова вперил в меня глаза. Да, Обама отдыхает. Буш тоже. Царь, очень приятно, царь.

– Я рад твоему выздоровлению, сын. – Что-то не рвётся «фазер» меня обнимать. Хотя кто знает, какие в Эфиопии семейные отношения... А сердечко-то бухает. – Следуй за мной.

Негус подвёл меня к берегу озера. Слабые волны тихо шуршали по камням, разбросанным на илистой земле. От сада тянуло запахом хвои.

– Ты знаешь, наш род восходит к самому царю Соломону. – Ёпт! – Именно поэтому Накуто-Леаб передал трон мне, чтобы Эфиопией правила династия, благословленная Богом, ибо даже величия Лалибелы не хватило для возрождения былой славы нашей родины. Ты мой старший сын, а брат твой, Удым Арад, намного младше тебя, и Господь дал нам урок твоим беспамятством. Ты понимаешь, в чём этот урок?

– Наследник не должен чёрт-те где гарцевать на лошади, – хмуро ответил я (ненавижу лошадей).

На лице «батки» промелькнуло удивление. Так, похоже, моя тушка сообразительностью не отличалась. Была не была.

– Отец, Господь дал нам не только этот урок.

Негус вопросительно поднял бровь. Надеюсь, я правильно понимаю его мимику. Ну всё, назад дороги нет.

– Господь вернул меня не полностью. Он оставил себе почти всю мою память.

– А теперь, сын, объясни свои слова подробно, медленно и по-русски.

В голове звякнул тревожный звонок – по смыслу перевелось «по-русски», но я отчётливо слышал «амарик». Неужели автопереводчик начинает глючить? Упаси господь.

– Я не помню ничего до моего пробуждения. Я не узнаю никого вокруг. Я знаю, что ты мой отец, но я не могу вспомнить ни одного дня с тобой... Я не помню, как впервые сел на коня, не помню, когда впервые взял в руки саблю. В то же время я знаю, что такое конь и сабля... Я принц, но не помню, как живёт мой народ. Опять же, я знаю, что наша страна зажата между землями недругов и дикарей, а ближайшие братья по вере живут далеко на север от Египта. Господь решил дать мне воистину страшный урок... Я не помню свою мать.

– Твоя мать умерла десять лет назад, сын.

Негуса, похоже, проняло. Мне не приходилось подделывать шок, достаточно вспомнить, как я недавно увидел свои руки, и вот тут проняло и меня. Не знаю, тушка ли постаралась или ошмётки личности принца, но я вдруг ярко осознал, что я не дома и обратной дороги не предвидится. А это значит, что ни родители мои, ни жена, ни дочь в этом мире не родились. Их просто не существует.

– П...ц.

А вот это, похоже, вышло на чистом русском, и мне было плевать, поймёт ли меня негус. Сбой в системе. Но негус, похоже, тоже завис и не обратил внимания.

Мы стояли молча. Не знаю, о чём думал негус, а у меня перед глазами встала семейная жизнь... Наше первое свидание прохладным сентябрьским вечером. Первый поцелуй... Сотни вечеров вместе. Переезд в общую квартиру. Я на одном колене с кольцом в День святого Валентина. Поездки по Европе и обеды на нашей кухне. Покупка дома. Её беременность. Рождение дочери. Тысячи больших и маленьких радостей. Её лицо, которое всё так же лучилось любовью из года в год...

А затем моя крыша незаметно съехала. Мыслями овладели поиски звёздных врат в Гизе и, через них, квантового зеркала. Приехали. Революция, о которой мечтала съехавшая крыша, наконец свершилась. Я, конечно, люблю строить планы, но такой бредятины... Да, ближайший психиатр родится веков через семь. Я вдруг представил, как доживший до мафусаиловых лет негр в набедренной повязке сидит на приёме у Зигмунда Фрейда и втирает ему про переселение сознания и гоаулдов. А Фрейд ему в ответ: «Это всё оттого, что у вас нереализованные фантазии о сексе с вашей матерью и сестрой. Переселение душ символизирует ваши родственные отношения, а черви-паразиты – это символ вашего полового органа и проникновения в женскую плоть...» Мне полегчало, видимо, бред бредом вышибают. Или это у нас, пиндосов, особо устойчивая психика.

Негус наконец перезагрузился. Он положил мне тёмную лапу на плечо:

– Когда ты лежал в беспамятстве, я боялся, что Господь решил забрать тебя. Когда я узнал, что это не так, я возрадовался. Как отец и как правитель. Сейчас же отец во мне счастлив – ты жив, и даже если память к тебе не вернётся, ты мой сын. Кровь моей крови. Йикуно Амлак, отец, счастлив. Но Тасфа Иясус, негус нагаст, в смятении. Акабэ сэат Йесус-Моа сейчас в этом монастыре. Иди за мной, сын, вместе мы разделим трапезу и будем размышлять об уроке, преподанном нам Господом.

Ну что ж, думаю, я понял, откуда растут беды у африканской цивилизации. Читал я как-то книгу одного американского балабола, «Ружья, микробы и сталь», он подводил идеологическую базу под проблемы негров: мол, не хватает земель в умеренном климате, животные не одомашниваются, мало месторождений металла... Херня это всё. Сейчас я осознал, что проблемы негров происходят от простого неумения готовить. Когда изо дня в день тебя будут кормить всяким говном, то, естественно, опустятся руки и никогда не возникнет мыслей о светлом будущем. Я человек с разносторонними вкусами в еде, к тому же зверски голодный, но

тот отстой, что царю (! – боюсь подумать о том, чем давятся местные простолюдины) подали на стол, мне пришлось пихать в себя через силу. Пост постом, но имейте совесть! И вообще, я после долгой болезни, могли бы дать мяса! Рыхлые кислые лепёшки серого цвета, варёная капуста и рубленые овощи. Никаких ложек, вилок, даже палочек. Макай кислым хлебом в переперченную (чёрт знает что эти чурки используют вместо специй, буду считать, что перец, а не толчёные скорпионы) зелень и мечтай о мясе. Я и раньше не любил негров, теперь я их просто ненавижу. Пока «батька» хавал и объяснял местному религиозному шишке ситуацию с моей амнезией, я строил планы кулинарной революции. Котлеты я готовить умею. Завтра же запрягу местного кузнеца ковать мясорубку. Если поднапрячься, то можно вспомнить многие из рецептов любимой жены (в сердце укололо, как копьём, пришлось притвориться, что нарвался на перец). В общем, если не объявят чревоугодником и не предадут анафеме, я научу этих чернозадых, как правильно жрать. И правильно, какое на хер прогрессорство, если жрать невозможно. По-моему, мои мысли о качестве местной еды чересчур сильно отражаются на моём лице – что-то святой отец на меня косится. Так, срочно морду кирпичом, тем более что попытка несъедобным ужином заканчивается.

Про попа отдельный разговор. Как я понял из беседы негуса с попом, святой отец Йесус-Моа был настоятелем этого монастыря и во время юности «батьки» являлся его наставником, потом, как раз с подачи этого попа и ещё одного религиозного авторитета, Текле Хайманота, предыдущий царь завещал трон Йикуно Амлаку, то бишь моему «батьке». В качестве ответной любезности негус назначил Текле Хайманота и Йесуса-Моа соответственно вторым и третьим лицами в правительстве. Заметка: как можно скорее разузнать государственное устройство. А негус молодец – ненавязчиво превратил рассказ о потере памяти наследником во вводную лекцию для оного. Так что сиди, Лёха, то есть уже Ягба Цион, и мотай на жидкий ус.

Тем временем слуги убрали малосъедобную мерзость со стола. Уроды! Кулинарная революция начинается завтра же!.. О, что это? Не может быть! Кофе! Нам внесли ароматнейший кофе. Если он хотя бы вполовину так вкусен, как пахнет, я смогу многое простить неграм. Кроме их неумения готовить. Не то что, например, немцы – пиво, сосиски, одно слово – арийцы! Я отхлебнул кофе. Божественно. Да, а самые арийские арийцы – это русские и мы, хохлы (до того как стать пиндосом, я был хохлом, правда, процентов шестьдесят во мне всё-таки русского и татарина, но сало я люблю, как наищирийший из всех щирых хохлов!). Ну и японцы тоже молодцы... Да, готовить в мире, похоже, умеют все, кроме англичан и негров.

– Скрывать потерю памяти наследника не имеет смысла. Слухи по стране разползутся в любом случае. – Это Йесус-Моа.

– И они дадут пищу недовольным. И что же нам делать?

Негус нехорошо на меня посмотрел. Так, стоит вмешаться в обсуждение, а то эти деятели договорятся до заточения меня в монастырь.

– Учиться, учиться и ещё раз учиться.

– Чему ты хочешь учиться, сын мой?

«Батька» заинтересовался, это радует.

– Культуре страны, племенному и религиозному составу. Количеству населения, числу городов. Межплеменным отношениям. Политическому устройству. Обычаям нашего народа и других народов страны, наших соседей, их военной и торговой мощи. Кто есть кто в нашей стране. Кто поддерживает нашу семью, а кто нет, но кого мы терпим. И многое другое. Правителю нужно очень много знаний, иначе решения его будут неправильными. Так что учиться, и учиться всему.

Ну что, съели? Бъём менеджментом махровый феодализм. Надеюсь, прокатит, ибо другого у меня нет, «я женщина лёгкого поведения», даже в армии не служил.

– Я не узнаю тебя, сын... не одержим ли ты?

– На монастырской земле? Кем, ангелом? Святой отец, благословите меня.

Ошарашенный поп опустил чашку с кофе и возложил на меня руки, пробормотав молитву. Что интересно, негуса проняло намного меньше. Не удивляет – он царь, да и его «добрые» глазки наводят на мысль, что он намного менее набожен, чем кажется.

– Отец, до того как я упал с лошади, много ли времени я уделял изучению того, что должен знать негус?

– Не так много, как хотелось бы, сын...

– Я думаю, что Господь очистил мне разум, дабы я быстрее постигал науку правителя.

Вот вам гипотеза, кушайте. Одержимость мы только что опровергли, хоть по вашим канонам я как раз одержим, а на остальное вас не должно хватить. Да и ты, негус, при всём своём скептицизме должен быть достаточно религиозным, чтобы схавать... или хотя бы подыграть, если решишь, что я банально потерял память по естественным причинам.

– Йикуно, а ведь твой сын может быть прав.

Один наш!

– Ты ведь сам просил меня помолиться, чтобы Ягба проявлял больше усердия в государственных делах... Неисповедимы пути Господни.

– Неужели Господь не мог по-другому ответить на мои молитвы... Ты изменился, сын. Две недели назад ты думал только об оружии, конях и, иногда, о валянии с девками на сеновале. И не я один это замечу... Что ты будешь делать, если поползут слухи о том, что ты одержим?

Экзаменуем? Ну-ну. Интересно, до инквизиции негры уже додумались?

– Человек, распускающий такие слухи, не только враг короны. Он – богохульник, Господь не допустит, чтобы нечистый захватил душу христианина на святой земле. И если решать мне, то я бы передал такого еретика на разбирательство церкви. А с церковью у нас союз, так ведь, батька?

– И никто не докажет, что ты преследуешь личного врага. Ну что ж, сын, не глупо, совсем не глупо. Я решил. Через три дня я выезжаю с дружиной в северные провинции, где проведу несколько месяцев. Твой младший брат поедет со мной, ты же останешься с Йесусом-Моа, и я пришлю к тебе лучших учителей. Когда я вернусь с объезда северных земель, я сам займусь тобой.

– Отец, дай мне двух воинов из нашего народа в мою *личную* стражу. Мне нужно снова узнать нашу жизнь и обычаи, и мне нужен проводник, чтобы поддержать меня на этом пути.

Пусть лучше он мне подберёт надёжных парней, чем я буду выбирать наугад.

– Почему же ты не просишь одного из нашей семьи?

Ну чего тебе ещё надо? Видишь же, что я не кретин...

Ай-кью-тест, что ли? Попробую не провалить. Сейчас, только хлебну ещё разок их замечательного кофе.

– Семья – это хорошо, отец, но вот родственникам моим могут прийти в голову мысли, что из принца, которому нужно так много учиться, выйдет совсем никудышный правитель... А вот воины... – ты же дашь мне умных воинов, не так ли? – будут думать о том, что на следующий день после того, как умрёт приблизивший их принц, схарчат и их.

– Хха-ха-ха!

А смеётся «батька» заразительно, даже святой отец изобразил нечто напоминающее улыбку.

– Господь вытряхнул из тебя дурь, сын, но оставил мои уроки. Жаль, конечно, что с дурью ушла и твоя память.

Рад стараться, ёкарный бабай. Я бы с огромным удовольствием остался в Пиндостане с цивилизацией, вкусной едой и ватерклозетом, и негров бы видел только в метро и в порнофильмах. Утриту, конечно, но Европа Универсалис намного привлекательнее на экране, чем живую.

– Йесус-Моа, а ведь из пацана ещё выйдет толк.

зывает, что средневековая стоматология – это сущий кошмар даже по сравнению с фашистской стоматологией. Гигиеной я буду озабочиваться сразу и всерьёз. Упаси меня господь от местных коновалов. Чищу зубы и на боковую. Надеюсь, в царской постели нет клопов.

Новый день. Я, конечно, надеялся, что переселение души в средневекового эфиопского принца окажется глюком после удара молнии. Но суровая африканская действительность меня жестоко обломала путём жирной мерзкой мухи, севшей мне на нос. Есть, конечно, худшие способы проснуться, но я их ещё не пробовал. На матерщину пришли слуги и принесли зубную кисточку с чистой одеждой. Видимо, слухи в монастыре распространяются быстро, так что помощь в облачении и утреннее омовение мне не предлагали. Припомнив вчерашнее решение всерьёз озаботиться гигиеной, я приказал принести бадью с горячей водой и ковш (и почему эти придурки не принесли ковш вчера?) к берегу озера и, почистив зубы, направился туда же сам в компании одного из слуг (заблужусь ещё!).

Водные процедуры прошли без эксцессов: губка, ковш, песочек – и тело более или менее чистое. С мытьём головы, правда, весьма погано, надо будет озаботиться изобретением мыла. Да ещё хозяйство своё надо мыть аккуратно. Понимаю, почему пустынные народы практикуют обрезание... мыть мужское достоинство песочком, а потом по песчинке же его очищать, чтобы, не дай бог, не осталось чего под крайней плотью... – мазохизм! Одно радует, принца... модифицировали в раннем возрасте, и дискомфорта от водных процедур практически нет.

Завтрак из кислой лепёшки с овощами. В процессе опробования этой снеди мне на глаза попался монашек Жен, и я своей принцовой властью перевёл его в личное подчинение. Первым поручением ему было составить перечень продуктов на монастырской кухне, а также провести инвентаризацию материалов и продукции кузнецов при монастыре и в соседней деревне (где, кстати, стоит лагерем негус нагаст). Отведав эфиопскую кухню во второй раз, моя уверенность в необходимости кулинарных реформ выросла из железобетонной в металлокерамическую. Думаю, что к ужину она станет вообще нейтрониевой. Не то чтобы я мнил себя профессиональным прогрессором (если честно, то мысли о психбольнице меня всё не отпускают), но просто не могу жрать этот свиной корм. А вот на сытый желудок можно будет и пострадать, и попытаться понять, что вообще со мной произошло. Слава богу, послезавтра заканчивается пост.

Вскоре после завтрака у меня в расписании была церковно-приходская школа имени Йесуса-Моа. Иерарх встретил меня проникновенной речью о единстве народа и церкви – он постановил начать моё обучение с книги о славе царей, «Кебры нагаст». «Профессор» явно готовился, так как внушительного вида томик уже был призывно выложен на столик. Открыв его, Йесус-Моа довольно занудным голосом зачитал пассаж о славе царей в интерпретации трёхста восемнадцати православных старцев. Я при...ел. Когда он перевернул страницу и начал зачитывать мне текст о величии царей, я осознал, что такими темпами мы будем читать эту книгу очень и очень долго.

– Абун, – вообще-то я хотел сказать святой отец, но вышло именно «абун», – можно ли мне встать рядом и посмотреть на книгу?

– Конечно, можно, принц Ягба.

Хорошо быть царским отпрыском – на фиг не посылают.

Посмотрев на книгу, я возрадовался – принц умел читать. Закорючки каким-то неизвестным образом складывались во вполне русские предложения. Получалось как во сне: смотришь на текст и вроде бы всё понятно, но как только присмотришься внимательно – случается облом. Была, впрочем, разница: когда я пытаюсь читать во сне, текст перед глазами постоянно меняется, здесь же, присмотревшись, я видел аборигенские закорючки. Но не важно, главное, что я понимал написанное. Читаю я быстро, по крайней мере по-русски и по-английски. По-эфиопски получилось если медленнее, то ненамного.

О величии царей написано было лишь то, что старец Григорий начал о нём размышлять во время пятнадцати лет отшельничества. Дальше шёл достаточно вольный пересказ Ветхого Завета. Так как оный Завет был мне знаком, читал я по диагонали. Понаблюдав за мной, Йесус-Моа оценил преимущества чтения учеником над чтением трактата вслух и испарился, сказав лишь, чтобы я нашёл его, когда устану читать трактат, и он даст мне необходимые разъяснения.

Опус был... так себе. Похоже, это был послеаксумский новодел – много упоминаний Эфиопии, а не Аксума. Хотя чёрт его знает, может, аксумцы себя эфиопами называли. В основе книги – рассказ о Соломоне, к которому восходит моя (впечатлитесь!) династия, и о легитимности древней Эфиопии. Что неудивительно. Думаю, что сей труд является нашим основным пропагандистским и научно-популярным материалом. Надо будет поделикатнее спросить Йесуса-Моа об этом. Особенно улыбнул отрывок о заповедях, которые Соломон дал царице Шеба (чёрт знает, сколько раз прабабушке моего принца... озвереть!). Там Соломон положил глаз на царицу. Ну это понятно, иначе как бы он оказался у меня в предках. Но отрывок говорит, что у Соломона было четыреста жён и шестьсот наложниц. Класс... Мы медленно спустимся с горы и возлюбим всё стадо! И далее идёт умопомрачительный пассаж о том, что Соломон невиновен в многожёнстве, так как в древние, примитивные времена Господь и апостолы ещё не ввели закон, что можно иметь только одну жену. Так что Соломон – молодец. А нам только с одной, и ни-ни! Ибо нефиг.

Также убили меня десять заповедей. Тема инцеста была раскрыта профессионально – похоже, в регионе с этим проблемы, так как почти половина главы уделялась тому, почему нельзя совокупляться с разными родственниками. Мусульманам, видимо, подобная книга не попала, поскольку в моё время женитьба на двоюродных и троюродных сёстрах на Ближнем Востоке практиковалась массово. Хотя если вспомнить ашкеназов-евреев и что творится в некоторых областях Пиндостана... Также нельзя было сестёр жены (гы), мужиков (долой ахтунгов и содомитов!) и животных (извечная проблема скотоводов, что ли?). Автору, как говорится, зачёт.

В общем, если убрать юмор, который здесь, похоже, могу оценить только я, книга оказалась весьма занудной. Царица дала Соломону. Её сын через какое-то время приехал навещать отца. Вернулся домой, Соломон дал ему в нагрузку команду охламонов (убирал конкурентов?). Охламоны скоммуниздили у Соломона Ковчег Завета. Кстати, в моё время эфиопы утверждали, что ковчег у них, но никому его не показывали. Всё это вперемешку с цитатами из Священного Писания. Осилить я этот опус как раз к обеду и пошёл разыскивать Йесуса-Моа.

Абуна я не нашёл – он отправился в лагерь к негусу. Топать за ним мне отнюдь не улыбалось. С обедом тоже выходил облом. Мои представления о том, что неплохо бы поесть, не стыковались с монастырским распорядком... а может, я просто-напросто не рассчитал со временем? Часов нет. Канализации нет. Книг... штуки три, да и те про религию. Антисанитария... Баб нет... Жены нет. Ребёнка нет... Я, конечно, понимаю, что они где-то там живы и здоровы, но меня-то с ними нет... А ведь как хорошо всё начиналось.

В девятнадцать я закончил университет и начал работать в одной конторе. Занимались мы... в общем, помогали клиентам оценивать некие мутные неликвидные активы, используя хитрозадый (и довольно халтурно написанный) софт. Как и процентов девяносто подобных контор на Уолл-стрит. Через работу я познакомился со своей будущей женой, которая трудилась на одного из наших клиентов. До сих пор помню её первые слова: «У меня уже есть парень». С тех пор я успел сменить две работы, а вот жена осталась. Не повезло тому парню – такую девушку упустил. Одно слово – баран. Четыре года спустя после знакомства мы поженились, а полтора года назад родилась наша шкода. Которую, если, конечно, я не лежу в психушке или на операционном столе, я никогда не увижу...

В общем, я додумался до того, что начал прикидывать, как забраться на крышу монастыря и гарантированно ли меня уконтрапупит, если я сигану оттуда головой вниз. Вот так и

становятся самоубийцами. И тут до меня дошло. Депрессия на меня навалилась, когда появилось свободное время поразмышлять о глубине дыры, в которую я угодил. А вот утром, когда штудировал «Кебру нагаст», всё было... ну если не нормально (а как вообще может быть что-то нормально, когда я негр!!!), то вполне приемлемо. Терапия занятостью? Почему нет, сигануть с крыши я всегда успею. А там, кто знает, может, и «ишак заговорит». Решено, как только начинает ехать крыша, развиваем бурную деятельность, даже через не хочу.

Первым пунктом, причём уже в какой-то мере обдуманном горячечным разумом, у меня была кулинарная революция. Я изловил какого-то монашка и озадачил его найти и отправить ко мне мелкого Жена, а также разузнал, где, собственно, находится местная кухня. Жен нашёлся довольно быстро и, к моей радости, уже справился с моим заданием составить ассортимент повара и кузнецов. Итс гуд ту би зэ кинг (хорошо быть королём), как говорят англичане. Точнее, будут говорить. Не уверен, что если я завтра встречу местного англа, то я его пойму. Если Шекспир в оригинале читается практически без проблем, то уже Чосера приходится разбирать чуть ли не со словарём, а Беовульф для меня вообще китайская грамота.

Вот и наша кухня, а в ней – главный производитель отвратительных кислых лепёшек. Пусть трепещет. Ассортимент продуктов приятно удивил. Множество масел, лук, капуста, мука (правда, не пшеничная). Грибы. Даже чёрный перец. И со всем этим богатством местный кулинар не смог приготовить ничего лучше той кислятины, которой я давлюсь уже второй день! С утварью ситуация была не хуже. Множество глиняных горшков, медные котлы, разделочные доски. Хотя доски и ножи мне не очень понравились. С гигиеной у негров непорядки.

– Так, приступим. Где здесь моют утварь?

– В озере, господин, – ошарашено ответил повар.

Он никак не мог переварить тот факт, что к нему на кухню явился сын негуса.

– В озере? Озёрной водой? Жен, он не шутит?

Мне поплохело. Призраки дизентерии, бычьего цепня и прочих ужасов из школьного учебника биологии встали в полный рост.

– Нет, мой принц.

Монашек тоже не понимал, что мне не нравится. Да, природная сообразительность не заменит сотен лет прогресса.

– А животом монахи часто мучаются? – Я строго посмотрел на повара.

– Как везде, мой принц. Но у нас растут хорошие деревья куссо, их ягоды быстро изгоняют червей из живота!

Мамочки! Этот псих ещё гордится! Спокойствие, только спокойствие. Иначе придётся лезть на монастырь и прыгать с крыши.

– Слушай мою команду. Вот эти два котла наполнить водой. Из ручья, не вздумайте брать из озера. Поставить на огонь и довести до кипения. Пока вода закипает, приготовь умывальный песок и чистых тряпок. Жен, ты иди со мной.

Повар напряг ещё пару монахов исполнять мои приказы, а я тем временем отвёл Жена в сторону, чтобы повар нас не слышал.

– Значит, так. Сырой воды мне больше не приносить. Только прокипячённую. Это касается питья и утренних омовений. Узнаю, что кто-либо нарушил мой приказ, – пожалеет, что мать его родила. Разъясни это слугам. Дальше. Ты теперь мой личный порученец. В деревне портной есть?

– Да, мой принц.

Жен выглядел смятенным, но без лишнего страха, это хорошо.

– Напомнишь мне сегодня навестить портного. Сделаем тебе униформу.

– Что сделаем, мой принц?

Опять эти англицизмы, говорил же себе следить за языком.

– Специальную одежду.

– Но я же не воин.

– Так она и не воинская будет. Ты мне будешь служить головой, а не копьём. – Я ухмыльнулся, вспомнив кое-что весьма гнусное из моего мира. – А пока что пошли отберём грибов получше и овощей посвежее. Принц вас будет учить готовить.

– Ты умеешь готовить?

– Я много чего умею. Ах да, Жен, слушай меня внимательно. Когда я упал с лошади, у меня отшибло память. Я позабыл огромные куски из повседневной жизни. Одно из твоих заданий – подмечать, что я делаю неправильно и что я не помню, как делать. Когда мы будем одни, будешь рассказывать мне. Начнёшь сегодня вечером. Ну, с Богом.

Процесс пошёл. Жен оказался полезным кадром и схватывал всё на лету. Конечно, я показывал ему не высшую математику... А ведь идея! Начну с ним заниматься, заодно и сам повспоминаю. Что угодно, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. В общем, я объяснял Жену, что мне нужно, а он проводил разъяснительную работу с поваром и прочим персоналом. Я вовремя осознал, что сын негуса, собственноручно моющий посуду или нарезающий грибы, – это бред. Да и лично инструктировать повара может быть не понято народом. Так что впредь, Жен, будешь моей правой рукой. Кстати, получалось у него великолепно, сам бы я с этими чернозаврами как минимум сорвался бы на мат или просто прибил на месте. Кипятка хватило и на утварь, и на помывку овощей. Заметка на перспективу: найти нефть, уголь или сделать печи с использованием солнечной энергии (как? Линзами? Надо будет подумать) – здесь не Россия, дров и деревьев на обеспечение лично мне комфортного существования может и хватить, но вот ещё на обеспечение моей безопасности уже не хватит. Ха-ха, прогрессор копчёный.

Тем временем супчик поспел. На запах явился и вернувшийся абун Йесус-Моа, которого я тут же пригласил на дегустацию. Суп удался. Не зря меня столько лет жена кормила вкуснятиной. Абун кричал от удовольствия, наверное, он, как и я, чревоугодник, но по долгу службы – скрытый. На мой резонный вопрос, почему из грибов раньше не делали суп, ответ был прост – грибы не местные. Кто-то из людей негуса закупил их на Востоке, а вот рецептов набрать не додумался. Я предложил абуну озадачить настоятеля монастыря на предмет разведения грибов. Эх, подожди, абун, вот сделает мне ваш кузнец мясорубку, кончится пост, и я научу вас делать котлеты. И всё, эфиопскую кухню можно будет списывать на свалку истории.

После обеда была очередная кофейная церемония, с которой выперли Жена (не по чину ему пока). Мы с Йесусом-Моа мило побеседовали о содержании Книги царей. Оказалось, что книга – это не просто новодел, но даже проект новодела. Сей опус был ещё в процессе написания и утверждения, и его планировалось распространять как основной инструмент популяризации единства церкви и народа. Геббельсы доморощенные... Я, естественно, старательно делал вид, что проникся религиозной важностью текста, а абун так же старательно делал вид, что мне верит. Хотя, может, действительно верит, я его знаю лишь один день, но он производит впечатление истинно верующего человека. Особенно на фоне негуса – того, я думаю, не сильно беспокоят церковные догмы и каноны. Уж очень глазки характерные.

Глава 2

Гранит науки под мясным соусом

После баньки у яги были нонче пироги. А у Ягбы Циона, то есть у меня, после кофейка с Йесусом-Моа состоялась ревизия местных кузен. Вообще, в первые дни большинство моих телодвижений были на автопилоте – базовыми инстинктами организма, чей мозг завис от информационного шока. Инстинкт выживания наплёл сказку царю-негусу, выудив сюжет откуда-то из тысяч прочитанных книг. Живот с языком запротестовали против отвратительной пищи, и родился проект «Мясорубка». Разум по-настоящему включился значительно позже, позволяя пока автопилоту действовать как в ролевой игре – подстраиваться под местную реальность, не заглядывая глубже очевидного.

С монастырским кузнецом вышел облом – от кузнеца там были только название и молоток. Монах Микелти занимался починкой утвари и прочей мелочи в свободное от молитвы и плотнических дел время, ещё он изредка промышлял ювелиркой в малых масштабах (нанести позолоту, обрамить икону...). Человек, несомненно, в хозяйстве полезный, но сейчас мне нужен был полнопрофильный кузнец, к которому мы и направились в деревню.

Деревня была довольно близко: сразу за монастырём шли тефовые (Жен оказался также ценным источником местной информации) поля и за ними, минутах в пятнадцати ходьбы, за холмом, расположилась деревня. Дворов так... немало. А ещё с холма был виден лагерь негуса. Шатры, шатры, шатры. Табун лошадей (на удивление небольшой) пасся вдали, там же виднелись стада верблюдов и овец. Я поразился острому зрению принца – после всей моей жизни, проведённой с астигматизмом, это было что-то великолепное. Если бы не повальная антисанитария, можно было бы даже смириться с тем, что я негр. Ещё больше я поразился тому, что негус, похоже, расположился здесь с целой армией. Я приостановился и задумался – не всё чисто в царстве Эфиопском. Какого чернокожего дьявола царь шлется со всей своей армией?

– Жен, а где у нас столица?

– Главный город? Настоятель говорил, что раньше, несколько веков назад, главным был большой город Аксум, но после войны с магометанами народ ушёл из городов. Сейчас негусы, и даже негус нагаст, не живут в одном городе, как магометане, а постоянно обходят свои земли, следя за порядком. А в Аксуме негус нагаст помазался на царствие.

Ой-ё! Кочевники? Причём не конные, а пешкодралом (коней на всю армию видно не было). Вот вам и племенной деспотизм из Европы Универсалис. Не врала компьютерная игрушка. Ну что ж, будем осваивать лавры градостроителя... Аксум, что ли, отстроить? Ладно, сначала мясорубка.

Кузнец Берта (автопереводчик сначала выдавал «сильный», но потом утомился) своё имя оправдывал. Невысокий негр комплекцией напоминал гориллу, а толщине его рук позавидовал бы и стероидный Брок Леснар. У кузнеца мы засели надолго. Берта довольно быстро оправился от шока (не каждый день к нему крупные феодалы вваливаются) и включился в обсуждение заказа. Точную копию ручной совковой мясорубки получить не светило, так как железо и сталь кузнец не отливал. Но мог отлить из меди или даже из бронзы. Откуда руда, я не вникал, надо будет – расспрошу. Подумав, решили, что бронза предпочтительнее, а вот прототип можно и из меди. Концепция архимедова винта Берте была известна. Труднее было с нарезкой для «намордника». Поскольку практики у кузнеца было мало, решили не извращаться, а сделать что-то типа проволочного зажима. Да, нужно «изобретать» токарные станки. Вообще Берта, несмотря на внешность питекантропа, оказался парнем смекалистым. Концепцию резьбы он оценил и пообещал подумать о том, как её производить. Возьму его на заметку.

А если мясорубка не подкачает, то приглашу на котлеты и зачислю в штат. Надо будет поинтересоваться у негуса моими финансовыми возможностями. Принцы разные бывают.

Со сроками кузнец меня жестоко обломал. Изготовление и наладка форм и прочего займут недели две. Это если без сложностей. Потом отливка, возможные переделки... Вместо этого он предложил мне за день сварганить местный инструмент, который используют для измельчения мяса для приготовления кефты (и сюда добралась арабская кухня! Или у них кефта другая?). На безрыбье и рак рыба. Инструмент, как объяснил кузнец, состоял из топоробразной хреновины и корытца к ней. Я требовал ещё и отбойный молоток на всякий случай – местные кефтосечкой пользоваться умеют, но пусть будет план Б (помнится, как-то отбивал антрекоты, в итоге был почти фарш). Негоже оставлять принца без котлет.

Наконец проект «Мясорубка» был утверждён. Распрощавшись, мы последовали к портному. Жен к этому времени догадывался, что я замыслил пакость, но такова его доля – страдать за царя и отечество. Портной не впечатлил, в отличие от кузнеца. Хлипенький пожилой негр. После уже привычного выведения простолюдина из ступора я выгнал Жена на улицу (нечего сюрприз портить!) и разъяснил заказ. Портняжские дела прошли намного быстрее, так как то, что мне нужно было, являлось не чем-то революционным, необычным, а достаточно простым для понимания. Портной, в отличие от Берты, обещал сделать заказ завтра к вечеру.

Дело сделал – гуляй смело. Вот только гулять мне совсем не хотелось. Поэтому по дороге в монастырь я принялся за Жена. Для начала порасспросил его о косяках в моей речи. Оказалось на удивление неплохо – кроме самого факта общения с простолюдинами и конструкции мясорубки, автопереводчик успешно сглаживал культурные нестыковки. Думаю, помогало ещё то, что средневековые негры – народ, не заражённый пережитками римского и персидского этикетов. Хотя мои негры поцивилизованнее прочих, людей не жрут... Опаньки, а вдруг жрут? Это же африканские негры! Или нет, христианство людоедство не поощряет... а кто будет приравнивать Святое причастие к людоедству, тот богохульник и получит в бубен. Вот с южными и западными племенами надо держать ухо востро. Там как раз, наверное, жрут человечинку. Ужас, ужас, ужас.

После выяснения моих проколов я стал проверять уровень образования моего... Кстати, кем он у меня считается, не шестёркой же его называть? Не секретарь – кабинета у нас нет... Адьютантом? К чёрту, хватит с меня англицизмов, ещё францужину разводить. Пусть пока будет просто Женом. Должность я ему потом придумаю. Так вот, Жен умел читать и писать. Был обучен счёту (он знал арабские цифры! Написание разнилось, но концепцию, включая дроби после запятой, он знал!), умножение, правда, хромало, и деление было позорное, но умел, умел. Жен также имел общий комплекс знаний монаха об истории страны и культуре. Ещё он говорил по-оромски и по-арабски. Оромо – это, оказывается, один из двух (вместе с амхара) основных народов Эфиопии. Древние кушиты как раз и есть оромы. Когда я попросил Жена изъясниться по-оромски, меня взяла оторопь: из уст отрока полился немного архаичный, но легко узнаваемый английский. Мазефакер. Ну автопереводчик, ну блин...

– Да, оромский я понимаю.

– Так ты же принц, конечно, негус должен знать язык своих подданных.

– Скру ю. – Это я его так послал в пешеходный эротический поход по-английски.

– Принц, за что меня к содомитам?

Да уж. С иноземной англо-американской руганью надо поаккуратнее: у них её мало, и вся она или на богохульстве, или на трахе завязана. Видимо, автопереводчик с англичком справляется хуже, чем с русским.

– Нет, к содомитам я тебя не пошлю. Слушай, а как оромы в задницу посылают? Видно, принцев плохо ругаться учат.

Жен заржал.

– Хорошо вас учат, ты вчера так ругался, что даже Микелти, когда молотком по пальцу засадит, такое не выдаёт.

Ну ёпт, великий могучий, он и в Африке великий и могучий.

– А оромы так и посылают, гоу ту зе эсс. Только они обычно говорят «иди трахни овцу».

Жен ко мне привык, это радует. Да и по возрасту он с принцем примерно одинаковый, даром что мелкий.

По-арабски же Ягба Цион не понимал – бур-бур-бур и изредка проскальзывало что-то узнаваемое. Интересно, языки, наверное, родственные... Амхара – семиты? Ну, в принципе почему нет, трахал же Соломон шебскую царицу, и Аксум торговал с Византией, небось плавали мимо Иудеи или к арабам и девчат оттуда таскали. Или, наоборот, пришли семиты в древние времена, перетрахаили кучу негритянок и стали амхара. То-то кожа у меня не очень тёмная, скорее как у американских негров, а не такая, как я у некоторых африканских негрозавров видел. Американские негры за сотни лет рабства были весьма разбавлены белой кровью... рабовладельцы не дураки: симпатичных рабынь можно и поиметь... неоднократно. «Рабыня Изаура» не на пустом месте снималась. Гы. И вообще, зачем далеко ходить? Посмотрите на Барака Обаму.

Ну что ж, Жен, ты даже не представляешь, куда ты попал, – математику я с детства люблю. Начнём, пожалуй, с таблицы Пифагора... Будем прокачивать тебе математический скилл.

Умножение пошло на ура – таблицу Жен выучил очень быстро. Не знаю, или у него талант, или это специфика времени. Помню, читал, что в старые, дописьменные, времена память у людей работала лучше. Гомера передавали устно, да что далеко ходить – даже в моё время некоторые верующие арабы выучивают Коран наизусть. Концепция сложения и умножения в столбик мелкого повергла в трепет, и он начал допытываться, откуда я это знаю, так как в монастыре этому не учат. Пришлось отбрехаться умными книжками, которыми в детстве пичкали принца. А что? У моих учителей вполне мог оказаться трактат Пифагора. Вся школьная геометрия, что я помню, тоже известна с греческих времён, спасибо дедушке Евклиду.

Ещё одна заметка: прошерстить местные монастыри на тему работ греков. Греки – звери, они даже паровую машину изобрели на две тысячи лет раньше срока⁴.

Пока я учил Жена приёмам умножения, дело подошло к вечеру и, следовательно, к ужину. На ужин меня затребовал к себе в лагерь негус и прислал лошадей за мной и Йесусом-Моа. На скорую руку я задал Жену перемножить несколько длинных чисел и с тяжёлым сердцем отправился на ужин – мало того что на лошадях ехать (ненавижу лошадей!), так ещё и снова жрать эфиопскую стряпню!

Но человек предполагает, а Бог располагает. С лошади я не навернулся (у тушки остались навыки принца по обращению с копытными вредителями), а на ужин кроме кислятины был суп! Мой грибной суп! Ну, не совсем мой – повар сварил новую порцию, так как абуну понравилось. Естественно, к эфиопской кухне я почти не притронулся. Негус, правда, нашего с Йесусом-Моа восторга не разделил и сухо напомнил, что крестьяне грибы жрут только с полной голодухи и, зачастую, с фатальным исходом. Я отказался останавливать праздник жизни – грибочки купленные, и лучше смерть от них, чем прозябание от эфиопской кухни. Абун меня поддержал, и негус развивать тему не стал – то ли согласился, что грибы хорошие, то ли забил на нас, обжор. Насытившись, я подумал, что «батька» прав и на будущие эксперименты нужен будет дегустатор... которого не жалко.

После хавчика было очередное распитие кофе. Ох, любят эфиопы кофе. На что я был в своё время кофейная душа (ау, Старбак!), но до них мне пить и пить. Негус поинтересовался первым днём образования, и абун гордо рассказал о том, что он приобщил меня к

⁴ ГГ не совсем в курсе истории паровых машин, например, он не знает, что первые европейские паровые машины появились ещё на рубеже XVIII века и что греческое чудо – это, скорее всего, золипилл, то есть «бани Герона».

«Кебре нагаст». Я поднял «батькино» настроение, порассуждав о том, как «Кебра нагаст» пиа-рит непотивление царской власти (помазанники мы Божьи, ага), но, с другой стороны, открывает окно для переворотов, мол, на царя не мявкни, но если царь плохой, то Бог сам обо всём позаботится и передаст царство более достойному. Абун от циничного анализа религиозных текстов был не в восторге, но, с другой стороны, то, что я текст прочёл внимательно, его радовало.

– Отец, а где сейчас мой брат?

– Удым Арад сейчас с Текле Хайманотом. Я встречу их на пути в северные провинции. Кстати, сын, я выбрал тебе воинов. Кааса, из племён оромо, что живут у озера Абайя. И Берхан, он амхара, как и мы, но родился в самом Аксуме... что редкость для амхара. Завтра я пришлю их к тебе. – Негус задумался. – Сначала я хотел дать тебе двоих из моей личной стражи... Я знаю их, в отличие от большинства воинов в моих полках, и мне было бы спокойнее. Но я решил, что тебе нужны свои воины, а не те, кто давал клятву верности лично мне. Пора молодому львёнку собирать свой прайд. – Кто бы спорил, папа-лев. – Эти двое отличились в последнем походе, и я заметил их. Кааса и Берхан показали себя хитроумными лазутчиками, проникнув в лагерь мятежного вождя. Ещё они показали себя сильными воинами, убив его во время боя и оставшись в живых после этого.

– Как они вообще полезли в лагерь?

Леший с ними, с мятежниками, хотя и неприятно, что таковые есть, но вот неужели у негров есть спецназ?

– Хороший вопрос, сын. Посылая именно этих воинов, я даю тебе и испытание. Они пошли в вылазку без приказа сотника. Они, одновременно, хорошие и плохие воины. Если сможешь обуздать их, ты получишь не просто хороших, а очень хороших воинов. Если же ты их распустишь, то мне придётся дать тебе пока воинов из моей личной стражи.

Прыгай, сыночек, в море, там камни и рыбы зубастые. Ну ничего, выплывешь – совсем большой будешь, а не выплывешь – дам я тебе надувной матрас. Ладно, если кадры качественные, то я не в обиде, чай, мне не семнадцать, как принцу. Главное, чтобы парни не были банальными дураками с инициативой... Хотя негус мужик с опытом. Не должен мне идиотов подкинуть.

– Благодарю тебя, отец.

На этом кофейная церемония подошла к концу, и негус выделил мне слугу проводить до монастыря, видно собрался секретничать с Йесусом-Моа. На улице быстро стемнело, и, как только я вышел из шатра, повеял прохладный ветерок. Слуга раздобыл факел и привёл мою лошадь. Но я был пока не готов ехать.

– Где здесь у вас можно испражниться?

– Что сделать?

Вот блин, простая душа.

– Срут у вас где?

Чем подтираться, думаю, у него спрашивать бесполезно. Рукой тереть зад, как арабы, я отказываюсь!

Сусанин забрался на коня и привёл меня на дальнюю сторону лагеря, где солдаты вырыли выгребную яму. По дороге я остановился нарвать лопухов... а может, и не лопухов, но растений с большими листьями. Кошмар. Ну хоть не в кусты. Над ямой был помост, и воняло... как в открытом сортире, куда какают много негров. Хорошо, хоть ветер сносил часть духана в сторону. Как горный орёл на вершине Кавказа, я гордо сижу на краю унитаза. Ах, если бы это был унитаз или хотя бы смываемый сортир, как в школе. В общем, я не опозорился и не испачкал одежду. Волосатые лопухи (которые я придиричиво «простерилизовал» факелом, – надеюсь, не подхвачу паразитов всевозможных сортов) с работой справились, но всё равно, вернусь в монастырь – совершу омовение. Для мытья рук здесь бадья с водой была, но... сами

понимаете, армейский сортир, речная вода... Интересно, негус тоже туда ходит?.. Или у него персональный сортир? Снова кляча, дорога, монастырь.

В монастыре меня встретил Жен и показал решённые задачи. Весело – ученик, только вместо тетради глиняная доска, исписанная углём. Я тут же напряг его организовать кипячёную воду для омовения и посетовал на армейский сортир. Жен проникся и сказал, что монастырский сортир намного лучше – он укрыт от ветра, там меньше пахнет благодаря душистым листьям и благовониям, и ещё сея обитель покоя и облегчения каждый день чистится. Вы себе не представляете, как я рад был это слышать. Ну... В общем, Жен, услышав мою версию «малого боцманского загиба», стоял с открытым ртом, и пришлось ему напомнить о кипячёной воде. Нет, ну почему я не мог потерпеть? Погадил бы как белый человек. Ну ничего, завтра почувствую себя белым. Пока Жен организовывал вечернее омовение, проверил задачки. Молодец мелкий, решил всё правильно. Самородок, блин. Помню, мой брат с испорченным зомбоящиком и американской школой мозгом двух- и трёхзначные числа перемножал со скрипом, а Жен пять знаков на три и четыре на четыре сделал в первый же день после знакомства с методом.

Вскоре подоспели водные процедуры. Очистившись на берегу реки и не раздавив на этот раз слизняков, я почувствовал себя лучше. Я похвалил Жена за успехи в учёбе, вытребовал себе вечерний мисвак (зубную кисточку) и отправился на боковую.

И снится нам не рокот космодрома... Ничего нам не снится. Вторая ночь без сновидений – интересно, это пережитки попаданства? Дома сны мне снились каждую ночь. Возможно, в Африке для меня столько впечатлений, что фантазия отключается. А может, это экологически чистый климат и темнота ночью так действуют. Так или иначе, третье пробуждение в теле негра. Мисвак, некоторое подобие зарядки (холодной ночью я кутался, и затекло тело), утреннее омовение. Перед завтраком я откомандировал Жена устроить жильё и кормёжку для намечающегося пополнения в наших рядах. О своих кадрах надо заботиться, иначе хреновый вы начальник, господин принц. Также я наказал ему встретить их, провести ориентацию по монастырю и после обеда проводить ко мне. Время до обеда я намеревался провести с Йесусом-Моа.

Завтракали мы вместе с абун. Грибной суп закончился, так что я налегал на овощи, которые, на мой вкус, были чересчур остры. Затем было традиционное испытание кофе, плавно переходящее в лекцию. Я попросил абуну рассказать о стране и населяющих её народах.

– Страна наша очень древняя, принц Ягба. Свои истоки мы ведём от старого Аксумского царства. Аксум был страной нашего народа, амхара. Твой предок, император Менелик, был сыном царя Соломона и царицы страны Шеб. Эфиопию населяет много племён, ходящих под рукой негуса нагаста, твоего отца, но кроме нас, людей амхара, только племена оромо многочисленны и населяют обширные земли. Прочие племена, даже будучи собранными воедино, не могут сравниться с числом людей амхара или оромо...

Лекция выдалась долгой. Абун рассказывал об истории Аксума, часть которой я помнил из Вики, но процентов девяносто его рассказа было для меня новыми сведениями, если вообще не откровением. Он рассказал о губительной для Аксума войне с Джибути, где объединённые армии магометан нанесли тяжелейшее поражение Аксуму, после которого он больше не оправился. Узнал я и много деталей о становлении нынешнего государства, о династии Загве, что собрала эфиопские земли, о становлении моего отца. Естественно, подчёркивались мудрость и дальновидность правителей. Про себя я часто усмехался: курс эфиопской истории абун составлял явно не в расчёте на скептика из будущего.

Интересной была и история оромо, или галла, как их ещё называют. Галла происходит от арабского «сказавшие нет» – молодцы ребята, послали басурман с их религией в своё время, да так, что до сих пор им это припоминают. За века (если не тысячелетия) близкого контакта с амхара ни те ни другие не ассимилировались, и, хотя общая религия сблизила культуры,

народы сохранили многие различия, включая и языки... У меня до сих пор сносит крышу от того, что оромский язык я воспринимаю как английский. Слава богу, что автопереводчик не придаёт оромцам карибский или, того хуже, британский акцент – этого я мог бы и не пережить. А так негры, говорящие на нью-йоркской версии английского, были не так уж и непривычны. Дома их было до хрена... Основная часть оромо живёт к юго-востоку от земель амхара, но многие племена расселились и на запад от наших земель или делят земли с племенами амхара. А некоторые племена оромо жили среди амхара ещё со времён Аксумского царства...

Йесус-Моа также описал современную геополитическую ситуацию. К северу от нас расположены земли мамелюков. Они держат под собой то, что в моём времени стало Египтом и большей частью Судана. Судходная артерия Нила отрезана от нас непроходимыми ущельями Голубого Нила, где он врзается в горное плато и резко ныряет вниз, а также непролазными топями в Южном Судане. К востоку побережье захвачено исламскими странами Джибути и Ифата. К югу от Ифата живут сомалийские магометане, их земли лежат на южной стороне Африканского Рога и простираются примерно до устья реки Джубы, после чего они постепенно переходят во владения полудиких племён суахили. С востока нас ограждают горы, отсекая от большей части Чёрного континента. В минусе – отсутствие портов и контакта с Европой. В плюсе – сравнительная защищённость от вторжения в основном со стороны Джибути, так как мамелюки по Нилу до нас не доберутся, а от земель сомалийцев нас защищают негостеприимные саванна и пустыня. Попробуй доплыви против течения Шебели или Джубы с тысячу километров, а потом перевали через горный хребет!

Естественно, многое из лекции абун не отложилось – конспект я не писал (надо будет раздобыть пергамент и чем писать – пригодится, так как глиняные таблички с углём меня не возбуждают), но начало положено – пора строить планы, формировать задачи, готовиться к тому, что они могут измениться. А также пора искать кадры, тех, на кого я смогу опереться через несколько лет. Тех, кто потом исподволь сменит сегодняшнюю элиту и составит костяк Концерна по Обеспечению Радостной Жизни Ягбе Циону. Вы думали, я просто так собираюсь тащить негров из недр дикости? Ага, ща-а-а-ассс. Просто мне не хочется рисковать старостью в зиндане мусульманского завоевателя, который позарится на мой ватерклозет. Ну и надо чем-то заняться, чтобы не сойти с ума.

Я расспросил абуну о падении Аксума и исходе эфиопов из городов. К сожалению, Йесус-Моа не мог подробно ответить на этот вопрос. Из тех кусков информации, которые у него имелись, я составил следующую версию. В результате неудачных войн с мусульманами Аксумское царство потеряло доступ к морю и торговые пути. Экономический кризис наложился на военное тяжёлое поражение, и Аксумская монархия огребла люлей от соседей, которые раньше боялись мощи Аксума. Какое-то время Аксум держался, но потеря береговых территорий подкосила и агрикультуру (а может, напортачили с земледелием или саранча, кто теперь помнит?), и поддерживать крупное городское население стало нереальным. Как следствие – переход к полукочевому образу жизни. Абун рассказал, что местные лорды-негусы (а негус нагаст, получается, главный феодал, сюзерен негусов помельче) не отличаются излишней покорностью и не отличались ею во времена Аксума. В общем, последние пару сотен лет в Эфиопии царил раздрай, и обстановка более или менее стабилизировалась при царствии Лалибелы, позапрошлого царя, чьи сын и племянник долго воевали друг с другом за трон (ну у них и порядки наследования!) и который в конце концов завещал оный трон моему «батке».

Не сладко. Для индустрии нужны города. Для городов нужна агрикультура. Надо думать, как развивать прогресс на уровне больших деревень. Нужно обдумать пути поиска капитала. К «батке» с расспросами про казну лезть неумно. Значит, надо начать с малого и заработать бабла – пока что в голову идёт самогон... буду думать. Да уж, думать... Идеи приходят на уровне «пойти в квест, снять золото с босса подземелья и инвестировать в постройку юнитов».

Пока мы с абунем беседовали, дело подошло к обеду. Так как и я, и Йесус-Моа уже устали говорить, поели быстро, практически молча, и забили на кофейную церемонию. Абун отправился по своим делам, а меня ждал Жен с моими первыми гвардейцами.

Вот и мои гвардейцы. Жен мнётся рядом, видно, что он подавлен внешним видом и авторитетом рубак... Надо будет подумать о зачислении Жена на курсы головорезов под командованием моих чудо-богатырей. Богатыри, хех. С другой стороны, редкий солдат обладает компетенцией Конана-варвара. Ребята довольно разные. Один, с виду помоложе, очень высок, на мой прикид – под два метра. Он был строен и жилист, с овальным лицом и правильными чертами. В глазах пряталась улыбка, а на поясе висели две сабли. Второй производил впечатление сурового сержанта – с виду лет под тридцать, широкий, мощный. Лоб и щеку его пересекали шрамы. В руке он держал недлинное копьё с чёрным наконечником. Волосы у обоих были короткие. У высокого они были похожи на пятисантиметровое недо-афро, а плотный был пострижен «под цезаря».

– Приветствуем тебя, о, принц Ягба Цион. Я Берхан. – Ага, аксумец, значит, второй – орома. – Негус нагаст повелел, что отныне мы будем служить тебе.

– Я приветствую тебя, Берхан из Аксума, и тебя тоже, Кааса, из земель Абайя, – поздоровался я с моими бойцами, причём с Каасой по-английски, то есть по-оромски. – Что вам рассказал мой отец по поводу вашего назначения?

Ребята немного смутились.

– Ничего, принц. Он прислал за нами своего гвардейца с приказом перейти в твоё распоряжение.

Вот зараза. Каких ещё свиней он мне накидал? Кстати, говорит один Берхан, Кааса как язык проглотил.

– Понятно. – Ну что ж, ломать комедию смысла нет, возьмём быка за рога. – Вы знаете, что некоторое время назад я упал с коня?

– Мы были там, принц. – Опаньки, а это интересно. – Наш десяток был среди тех, кого отправили за тобой.

– Продолжай.

– В лагерь прискакал сын раса Арыда и заорал, что принц, то есть ты, упал с коня на охоте. Мы тут же вскочили на коней и поскакали к тебе. Добирались довольно долго, когда прискакали, то увидели, что ты лежишь на земле в крови, а двое твоих друзей отгоняют от тебя гиен.

Весело, мало того что этот осёл ускакал хрен знает куда и упал с коня, так его ещё чуть гиены не схарчили.

– Понятно. Бойцы, у меня для вас две новости, хорошая и плохая, с какой начать?

Воины переглянулись.

– С хорошей, мой принц.

– С сегодняшнего дня вы зачисляетесь в моё личное войско.

– Не в гвардию?

Как там говорил Суворов, удивил – победил?

– Нет, не в гвардию. Телохранителей я мог бы взять у отца, так что стоять и делать морду кирпичом будет весьма малой частью ваших обязанностей. Присягу будете давать вечером, в присутствии абуну Йесуса-Моа. Вопросы и возражения есть?

– Нет, мой принц.

– А теперь плохая новость. После моего полёта с лошади я почти ничего не помню. Так что готовьтесь поработать армейскими наставниками для своего принца. Будете просвещать меня на тему армейского устройства, быта, тактики и стратегии наших войск, воинских обычаев, снабжения, в общем, всего, чем живёт армия.

– Но, принц, мы же всего лишь воины, а не командиры...

– Вы не всего лишь воины, вы воины *моего* войска. Значит, уметь и знать должны больше обычных командиров. То, что вы не знаете сейчас, вам придётся выучить и потом передать знания мне. Слушайте первое задание. Составить к сегодняшнему вечеру список предметов, которые, по вашему разумению, вы знаете слабо. По этим предметам дадите мне имя человека из воинов отца, который может передать вам нужные знания. Далее составите отдельный список для снаряжения и животных, которые вам будут нужны для тренировок на следующие три месяца. Послезавтра негус нагаст уезжает, так что завтра нужно будет получить всё необходимое. Вопросы есть?

– Мы будем тренировать тебя, принц?

– Меня? Посмотрим на расписание, вполне возможно. Себя вы тренировать будете точно. Кстати, воины, вы грамоте обучены?

– Нет, мой принц.

– Жен!

Парнишка аж вздрогнул.

– Составь план обучения грамоте для Берхана и Каасы. А вы, бойцы, составьте план обучения Жена основам воинского искусства. Планируйте проводить занятия утром, когда я занят с абун. С размещением проблем не было?

С размещением проблем не было. Проблемы были у меня. Во время своей «пламенной речи» я осознал, что у меня на данный момент нет денег. То есть я уверен, что где-то они есть: принц без бабла – не верю. Но вот где? А мне ведь надо содержать бойцов, наградить за заказ портного и кузнеца... да и мало ли. Конечно, можно сделать официальную морду и вознаграждать всех «принцовой благодарностью»... но как-то не по-царски это. И вообще, не платить людям за сделанную работу – западло. Наверное, именно в этот момент мой мозг начал отходить от шока и приниматься за дело.

Я оставил Жена с бойцами координировать расписание, а сам царственно свалил искать абун, который, к счастью, нашёлся в монастыре. Когда я поинтересовался у абун состоянием принцевых финансов, он развеселился.

– Три дня ты не помнил о злате, что же пробудило в тебе память о нём?

– Воины, которых дал мне отец, и Жен, которого я забрал себе. Теперь я за них в ответе.

– Достойный повод. Тебе повезло, Ягба, я – акабэ сэат. Я не рассказывал пока тебе об этом, но кроме разрешения религиозных споров, – у меня завывала в голове сирена – это же ценнейший (!) кадр, – я начальствую над двором негуса нагаста. Казначей негуса – один из моих подчинённых. Деньги у тебя есть, и немало. Негус щедро одаривает тебя, ты же тратил лишь малую часть своих богатств на себя и подарки своим друзьям.

При упоминании о друзьях абун поморщился.

– Друзья? Почему же ни один из них не проведал меня? Ведь уже третий день как я очнулся.

После паузы абун ответил:

– Твой отец был в великом гневе, когда ты упал с лошади. В страхе перед ним твои друзья... почти все отправились во владения своих родителей. Те же трое, что были с тобой на охоте, отправлены негусом на южные границы усмирять дикие племена.

– Хреново. Скажи мне, абун, эти друзья, они были друзья мне или друзья моему положению?

– Странно, раньше ты не понимал разницы... Позволь мне не отвечать на этот вопрос.

– Да, на некоторые вопросы лучше не отвечать. Спасибо за информацию, Йесус-Моа. Вернёмся к моим финансам. У меня к тебе просьба и вопрос. Пожалуйста, расскажи мне завтра о цене денег в нашей стране и о том, сколько их у меня.

– Цена денег? Как могут деньги иметь цену? Деньги меряют цену прочих вещей.

Да ну, неужели будет польза от диплома?

– Не совсем так, абун. Цену в мире людей имеет всё, даже деньги. В диких племенах на юге используют не золото, а коров. Если коров расплодится очень много, то за невесту нужно будет дать больше коров, но не из-за того, что невесты стали лучше, а из-за того, что коровы потеряли свою ценность. Монеты от коров отличаются только тем, что коровы дают мясо с молоком и размножаются, а монету можно переплавить на украшения. Так что если золота много или люди его не ценят, на монету многого не купишь. А если земля богата на свои дары, а золота, наоборот, мало, то ценность его высока. Так что золото так же подвластно законам спроса и предложения, как и всё остальное.

– Как просто и интересно... Я никогда не думал о золоте как о товаре. Да, я не купец, а ты, принц, говоришь, как будто вырос в купеческой семье. Чудными знаниями наделил тебя Господь. Хорошо, завтра я расскажу тебе о злате и ценах, а ты мне расскажешь об этих законах спроса и предложения.

Да здравствует Адам Смит! Абуну ещё повезло, что в средневековой Эфиопии не практикуют бумажные деньги... тут бы я его пригрузил. Интересно, как это всё звучало по-эфиопски? Хорошо, что я не ляпнул про сапплай и деманд.

– Конечно, только вели слугам принести завтра пергамент. А вопрос мой такой: у кого мне брать деньги на мелкие расходы? Моя казна ведь не спрятана у меня под кроватью.

– Твоя казна лежит в монастырской сокровищнице – негус нагаст распорядился вчера её туда перенести.

А я и не заметил сундуконосцев.

– Твой Жен знает, где она находится.

Одной проблемой меньше. Я распрощался с абунем и помчался к своей команде.

К моему возвращению Жен нашёл общий язык с бойцами – для практически пацана заслуженные воины, которые вдобавок будут его обучать, были сбывшейся мечтой (а кто из нас в детстве не мечтал стать крутым, как Шварценеггер?), а сам он у ребят, похоже, вызвал отцовские чувства, – в общем, с виду они ладили.

– Не жаждались, войско? Жен, веди к казначею. Бойцы, за мной.

У казначея я затарился некоторым количеством злата и серебра. Жадного блеска в глазах моих ребят я не заметил, и это меня порадовало. Золото я оставил у себя, а кошель с серебром выдал Жену, с наказом использовать на официальные нужды – зарплату назначу отдельно.

Затем мы направились в деревню – забирать заказ у портного. Ещё мне пришла идея насчёт формы для гвардейцев, но с ней я решил повременить.

У портного Жена ждал сюрприз. Чёрная кожаная фуражка и синяя ременная португеза. Ему я сказал, что это будут символы моих государственных служащих: португеза означает подчинение человека высшим (небо – голубое) интересам, а фуражка – новый отличительный знак чиновника, который не является ни военным, ни церковным. На самом деле я прикололся и сделал парню прикид, как у одного «известного» негра – персонажа русского Интернета. Единственное – надо будет проследить, чтобы парень женился и не стал известен тем, чем славился в моё время персонаж Бена Ганна. Шутки шутками, но к содомитам я отношусь ненамного мягче Гитлера. Лично меня же ждала кепочка, которую я с удовольствием водрузил себе на голову и затянул сзади тесёмкой. Формой она была похожа на те, что носили немцы во время Великой Отечественной, – к таким кепочкам я пристрастился в Штатах – не люблю бейсболки. После принятия обновок я велел портному снять мерки на кепочки с моих бойцов, наказал Жену расплатиться и вышел на улицу, где встретил свою первую в Африке Большую Радость.

– Мяу!

– Кто сказал «мяу»?

– Мяу!

Я посмотрел вниз. Там было Оно. Хитрое котё беззастенчиво ткнулось в мою ногу. Я наклонился и поднял котёнка. Он оказался девочкой, рыжей, с тёмными подпалинами на спине

и задних ногах и умильно хитрой физиономией. Я почесал ей за ушком и был вознаграждён довольным мурчанием.

– Беру. С хвостом, ушами и когтями. Пойдёшь на должность главного царского мышелова?

– Мурк.

– Пойдёшь, значит. Имя у тебя есть, чудо?

– Мяк.

– Нет, говоришь... ну, сейчас придумаем... Муркой какой-нибудь – стрёмно, всё же царская кошка будешь... Нарекаю тебя Артемидой, в честь греческой богини охоты.

– Мррум!

С котём на руках я заглянул обратно к портному.

– Жен, организуй миску молока.

– Тебе, принц?

Жен немного охренел. Исполненный изумления негр, в фуражке и портупее, был небываемым зрелищем.

– Нет, царской кошке. – Я показал новоиспечённую Артемиду.

Молоко нашлось у портного. Испив вкусное подношение, Артемидка довольно мурлыкнула и вскарабкалась ко мне на плечо. Коготки ей никто не стриг... Чтобы не терять времени, я заказал у портного хламиду с утолщённым плечом. Портной, дико извиняясь, обещал убраться за три дня... оказывается, сделать принцевскую хламиду не так просто. Ну ничего, потерплю пока.

Я припахал портного изготовить на скорую руку и игрушку для котёнка, и мы направились обратно в монастырь. До ужина оставалось много времени, поэтому я расположился лагерем в монастырском саду на берегу озера. Бойцов я засадил за составление списка, а сам занялся с Женем математикой. Сегодня мы продолжили учиться делению в столбик. К арифметике у парня был талант. Концепцию он понял быстро и перешёл к практике, рисуя свои вычисления палочкой на песке. Я же играл с Артемидой. Идиллия.

Идиллию нарушил Берхан, сказав, что список готов. Несмотря на свои сомнения, парни воинское дело знали хорошо, так как незнакомых областей было мало – требовались лучник, конюх, оружейник, сотник. Под конец эти юмористы приплели генерала. Перечень оборудования был куда как длиннее, но здесь я полагался на бойцов: даже если запросят лишнего – пусть будет. В конце концов, в моё хозяйство идёт.

– Так, генерала нам пока не надо. Оружейник... С утра проверите деревенского кузнеца Берту, может быть, он подойдёт. Остальных требуем у негуса. Берхан, скажи-ка мне, что ест армия в походе?

Аксумец помялся.

– Обычно мы кормимся с земли. Охотой, у вассалов, или берём пищу у побеждённых. Иногда большая армия ведёт в обозе коз или овец, как сейчас армия негуса.

Как всё запущено... Одно слово – дикари.

– Вы с Каасой в молодости караваны водили?

– Нет, принц.

– Значит, проследите, чтобы конюх разбирался в козах и баранах, или добавьте в список караванщика. Жен, тащи пергамент – запишешь всё. Берхан, Кааса, пройдитесь ещё раз по списку.

– Мой принц, зачем нам погонщик баранов?

– Затем, что бараны в обозе влияют на скорость армии и как следствие на планирование военных кампаний.

– Принц, но раз ты знаешь все эти вещи, то чему мы с Каасой можем тебя научить?

– Берхан, знаешь, что такое теория и практика?

Боец помотал головой.

– Расскажу-ка я тебе историю. Приходит сын к отцу и спрашивает: отец, что такое теория и практика? Отец говорит, позови свою мать. Приходит мать, и отец спрашивает её: ты бы отдалась магометанину за грош? Та его ругает. А за сто золотых, спрашивает отец. Мать говорит, что да. Та же история повторяется с тёщей и тестем. Сын всё это видел. Наконец отец поворачивается к сыну и говорит: получается, сын, в теории у нас с тобой есть триста золотых, а на практике две шлюхи и содомит.

Бойцы казарменный юмор оценили.

– Так вот, в теории я знаю много умных вещей, а на практике не помню, с какой стороны подходить к барану.

– Мяу! – раздалось снизу.

Жен вернулся с бумагой и аккуратно записал перечень необходимых вещей. Тем временем подошёл и вечер. Собрав свою гоп-компанию, я снова разыскал абуну – принятие присяги дело серьёзное. А принятие присяги в присутствии одного из главных священников царства – вообще архисерьёзно. Так что я, честно, не ржал над клятвами сжигать ослов моих врагов (среди прочих обещаний). После торжественной присяги я отправил Жена и бойцов ужинать, велел бывшему монашку к утру приготовить ещё две копии списков (отчётность, отчётность и ещё раз отчётность! – пригодится). Сам же отправился разделить вечернюю трапезу с абуну. Ужин меня не радовал, ну ничего – завтра конец поста и – котлеты! Ох, это волшебное слово «котлеты»! Артемиде я выбил молочка – коты не постятся. Интересно, она у меня рыбная кошка или мясная?

За ужином я поинтересовался у абуну, как мне лучше организовать реквизицию – беспокоить негуса по таким «мелочам» я не хотел. Абун посоветовал отправить одного из моих бойцов к расу Бахыру, одному из командиров армии негуса. Йикуно Амлак собирался оставить мне полсотни солдат на всякий случай, так что перевести в эту полусотню нужных мне людей будет легко. А реквизировать необходимую сбрую я мог и своей властью принца. После ужина было традиционное кофепитие. Абун рассказал мне о царском дворе, который, несмотря на пышность титула негуса, ещё не был отягощён слишком многими ритуалами. Двор негуса нагаста напоминал быт монгольского хана: царь кочевал по своим владениям, и поэтому место придворных занимали генералы-расы – вассалы негуса. Пышность была – куда царю без неё. Но полукочевой образ жизни не давал этой пышности разрастись. Дворы меньших негусов, как рассказал мне Йесус-Моа, были более скромной копией двора негуса нагаста. Редкий вассал царя селился на одном месте, а те, кто селились, опасались раздражать царя чрезмерным шиком.

Вечерний мисвак – и спать. Завтра последний день с «батькой» под боком. Послезавтра утром его армия снимется с места, и я останусь здесь на пару с Йесусом-Моа. Артемида свернулась клубочком около моей головы, пощекотав мне хвостом ухо, и под её мелодичное мурчание я заснул.

Человек был необычным. По виду и запаху он мало отличался от других, разве что немного слабее пах. Но внутри... внутри он был как испуганный котёнок, дыбящий шерсть, чтобы спрятать дрожь в лапках. А ещё он был чужим. Очень чужим. Как будто кот влез в козью шкуру. Как бы человек ни пытался это скрыть, от Неё прятаться было бесполезным, ведь кошки всегда зрят в корень. Не так давно Она сама была так же испугана. Мама взяла Её на ночную охоту, на толстых полевых мышей, и им не повезло. Гиена оказалась тише и скрытнее, мама погибла, защищая Её, и Она успела добежать до селения людей, куда гиена не стала соваться. Вот и сегодня, увидев одинокого необычного человека, Она решила ободрить его, показать ему, что, как бы ни было плохо, жизнь продолжается.

Человек заговорил с Ней на своём человеческом наречии. Как ни странно, Она поняла его. Он звал Её с собой разделить с ним жизнь. Мама учила, что далеко на севере давным-давно люди так же звали кошек и кошки жили с людьми. С тех пор люди изменились и за редким исключением разучились понимать кошек. Она согласилась. Дело не в том, что Ей некуда было идти, – неправда, кошка всегда самодостаточна. Она просто знала, что пойти с этим странным человеком будет Правильно. Он дал Ей смешное человеческое имя. Артемида. Мррум, согласилась Она. Даже лучшие из людей не могут передать кошачьи имена, так же как и редкая кошка сможет произнести человеческое имя... А те из них, что могут, молчат и улыбаются, глядя на людей.

Человек покормил Её молоком, что напомнило Ей о маме. Она взгрустнула, но кошки умны – они знают, что прошлое не изменишь, только будущее. Она провела с ним весь вечер, а потом легла около его головы, отгоняя боль и горечь из его снов.

* * *

С добрым утром, дорогие эфиопские принцы. Для вас вещает станция «Кошка Артемида», напоминая, что царской кошке пора бы организовать завтрак! Радиостанция вещала более чем убедительно, используя как передатчик радиоволн острые коготки. Приёмником служила царская грудь. Я зевнул и, не открывая глаз, погладил Артемиду. Вообще-то я люблю спать на животе, но эфиопские кровати настолько суровы, что руки затекают вусмерть. Хотя чёрт его знает, возможно, это просто монастырская особенность, а концепция мягких кроватей давно открыта.

Я встал и озадачил слугу (спят они у меня под дверью, что ли?) утренними ритуалами – мисвак, кипячёная вода для омовения – и добавил к ним миску утреннего молока для Артемиды. Также я предупредил слугу организовать порцию мелко нарезанного мяса котейке на завтрак. Царский мышелов сам мышей гонять не должен – мы Артемиде целую кошкоферму организуем в подчинение, я правильно мыслю, Мяу?

– Мррум, – согласилась Артемида с моей философией и утренним молоком.

Когда мы с кошкой спустились в сад к озеру, Берхан и Кааса уже гоняли Жена. При виде этого у меня у самого в заднице заиграло детство, и я устроил себе полноразмерную зарядку с растяжками и комплексом упражнений. В теле принца зарядка была сплошным удовольствием. В моём прежнем теле силушкой меня Господь не обидел, так что отжимания меня не смущали с детства, но вот многое другое для толстяка проблематично. А сейчас... один полный шпагат чего стоит, подтягивания (чем я давно не мог похвастаться)... и все эти радости даже без намёка на усталость или одышку. Попробовав здоровой жизни, я решил больше не кабанеть, благо что с эфиопской диетой и православными постами обжорство мне вряд ли грозило. После зарядки и омовения сон сняло полностью, и, наказав команде добыть лошадей и встретить меня после занятий с абун, я отправился на завтрак.

А на завтрак было мясо. Нет, не так. МЯСО. После трёх дней постной эфиопской стряпни мясо для меня было как глоток воды в пустыне. Если бы не абун, я бы смёл со стола всё (чихать, что приготовлено оно было не совсем в моём вкусе, да ещё и с кисловатой лепёшкой вместо хлеба) и затребовал добавки. Но приходилось сдерживаться. Ничего, сегодня я за всё отыграюсь. На обед будет котлеты.

Съев тушку неизвестного мне зверя, мы с Йесусом-Моа углубились в дебри экономики. Абун порадовал меня тем, что я, оказывается, очень состоятельный негр. По его оценкам, моей казны хватило бы на возведение монастыря или на снаряжение десятка-другого богатых караванов, – точнее он сказать не мог, так как не был купцом. Состояние моё исчислялось десятками килограммов золота и самоцветов и многими пудами серебра – золото не было слишком распространено в Эфиопии, и покупательная способность его была весьма велика. Миллионе-

ром я был точно. Другое дело, что для моих наполеоновских планов индустриализации мне нужно было стать миллиардером. Но пока не важно, стартовый капитал уже есть.

Со своей стороны я начал давать абуну краткий курс по макроэкономике. Начали мы с концепций предельной полезности, а также графиков спроса и предложения (которые задолбали всех студентов экономики в моём мире, но были передовыми технологиями для средневековой науки). Концепции абун осознал быстро – не дурак. С графиками было сложнее, пришлось отклониться на математику-геометрию и объяснить, на фиг вообще нужны координатные оси. Благо, как образованный человек, он вспомнил и арабское исчисление, и даже Евклида (чем больше я с ним общаюсь, тем сильнее хочу потрясти монастырские библиотеки, особенно в Аксуме). Кстати, Артемида сбежала гулять в самом начале лекции – не будет умная кошка слушать всякую муть. В общем, абун оказался любопытным товарищем, и вместо слушания лекции про Эфиопию, я косил под профессора экономики. Добрались мы аж до такой мути, как эластичность спроса и экономические основы оптимизации, пока Йесус-Моа не осознал, что во многих знаниях – многие печали. А точнее, что от перегруза информацией может заболеть голова. Скажи спасибо, что я не грузю тебя откровенным дерьмом вроде кривой Филлипса и кейнсианской ересью. Кто бы подумал, что единственным местом, где мне пригодится степень бакалавра по экономике, будет средневековая Эфиопия!

Перед тем как Йесус-Моа от меня сбежал, я поинтересовался образованием в Эфиопии. Оказалось, что образовательной структуры вне монастырей и частных учителей в благородных семьях не существует. Ахтунг! Придётся его обработать на тему создания церковно-приходских школ, а также церковных университетов. Чтобы потом вместе уломать негуса нагаста и Текле Хайманота. Вообще, была у меня задумка. Йикуно Амлак, мой «батька», заключил с церковью так называемый священный союз, щедро одарив её землями и слив церковную иерархию с государственной. Церковь была централизована: власть в ней принадлежала Текле Хайманоту и моему абуну. Так как церковь только что пережила значительные позитивные изменения, закостенеть она не успела. Это всё, как я думаю, давало мне шанс перетряхнуть государственное устройство при поддержке церкви. И если церковь в Эфиопии будет толкать науку, вместо торможения оной (как во всём остальном мире), то и без прогрессорства негры смогут показать мусульманам и европейцам кузькину мать. Главное, убедить иерархов, что наука не ересь, а познание творения Господа и что церкви от науки только польза.

Благодаря разрушительному действию продвинутого мозготрахания, коим является экономика, на неокрепший ум абун закончили мы рано (но что-то мне подсказывает, что абун завтра на мне отыграется). Я нашёл кошку и пошёл проведать свою команду. Этих архаровцев я нашёл при весьма интересных занятиях: Жен, пыхтя, приседал, в то время как Берхан и Кааса старательно выводили на песке буквы. Вот симбиоз! Я похвалил ребят за усердие и велел закругляться и запрягать лошадей – дел много. План у меня был такой: реквизиция, котлеты, кузнец.

С реквизицией мы разобрались весьма легко. Отправив Берхана со списком барахла на склады, я взял с собой Каасу к расу Бахыру. Рас Бахыр напоминал отца (никак родственник), только без «добрых» глаз, и оказался приятным в общении мужиком. Естественно, он знал принца до падения с лошади и даже учил его обращаться с копьём в своё время. Царская кошка оказалась на высоте, произведя на раса неизгладимое впечатление. Похоже, бравый командир в душе скрытый кошатник.

С Бахыром мы разговорились, отправив Каасу организовывать нужный нам персонал с одним из подчинённых раса.

– Да, принц, жаль, что ты позабыл так много.

– Ничего, Бахыр, память – дело наживное. Тем более что в моём положении много плюсов.

– Это каких же?

– Ну смотри. Во-первых, я не помню ничего, за что мне было бы стыдно. Во-вторых, у меня уникальный шанс смотреть на всё по-новому, незамутнённым взглядом. А в-третьих, что-то мне подсказывает, что знакомиться с некоторыми вещами как бы в первый раз будет очень интересно. Например, с девками...

– Да, с девками я бы и сам познакомился хоть каждый день!

Мы с Бахыром весело захохотали.

Бахыр порассказал мне о жизни принца. Он, конечно, старался быть повежливее, но во мне окрепла уверенность, что Ягба Цион был редкостным долбодятлом. Кроме лошадей и оружия, парня не интересовало ничего, даже девки. Только где-то год назад «друзья» ему подсунули наконец девчонку... Ситуация была почти как в анекдоте: «Вот зачем он нужен... а я им рыбу глушил», который я расу тут же рассказал. Над этим анекдотом рас ржал долго. Ещё он рассказал, что мой Кааса – известный мастер эфиопского кунг-фу с копьём, а Берхан – один из немногих, кто отлично владеет мастерством двуручного боя. Эта парочка, оказывается, спелась довольно давно и с тех пор является неизменной головной болью своих командиров. Если бы они регулярно не вершили дела наподобие недавнего устранения мятежного вождя (что вызвало в рядах врагов панику, позволившую с малыми потерями сокрушить мятежников), их бы давно прибили свои же начальники. А так их кидали из сотни в сотню, пока негус не решил убить сразу несколько зайцев, передав их мне. Вот, блин, спецназовцы доморощенные. В общем, с Бахыром мы сошлись.

Бойцы мои вернулись вместе, сияя довольными мордами. Для закрепления отношений с Бахыром я позвал его на обед – ему престиж, а мне лишний подопытный кролик. По дороге к монастырю я расспросил моих ребят об успехах в реквизиции. Оказалось, что бойцы выщипали всех запрошенных спецов и барахла набрали, пожалуй, сверх нужного – даже самый прижимистый обозный старшина не мявкнет против воли принца. Хомяки. Зато мои хомяки. В монастыре нас ждал Жен. Под его чутким руководством повар со товарищи заготовили вымытой (с кипятком!) посуды и нарубили мелкого фарша из свежееубиенной баранины и телятины (он успел смотаться и забрать сечки и отбивной молоток у кузнеца Берты), также они накрошили мне лука и тефовой лепёшки. Я замочил «хлеб» в молоке и начал месить фарш. Суп – это одно, но котлеты на первый раз я решил сделать (почти) сам. Добавил туда лук, хлеб, разбил несколько яиц... Соль, перец... Лепить котлеты я подрядил повара с Женом.

Жарил я аккуратно, используя первую пару котлет для определения необходимого времени прожарки – я их, конечно, протушу, но в местной антисанитарии аккуратность превыше всего. Тем более что пересушить котлеты было бы кошмаром. Нажарив по паре партий на трёх сковородках, я передал процесс жарки повару (с грибным супом он ведь справился), а сам организовал процесс тушения. Тушили в керамических горшках, со сметанкой и зеленью. Среди зелени я обнаружил и чеснок, чему возрадовался – ударим по кислому тефу душистым русским (чёрт с вами, эфиопским) чесноком!

Первую порцию я пробую с трепетом – вдруг запорол?! Я же не на современной кухне с газовой горелкой, мясорубкой и миксером. Блаженство! Я сделал это! Настоящие котлеты! Артемида моего восторга не разделила – ей было больше по вкусу сырое мясо. Ну погоди, котейка, доберёмся до моря – будем вместе харчить суши. А котлеты... котлеты – это наше всё. Закончит Берта мясорубку, начну их делать массово и распространять. На радостях я выдал Жену, бойцам и поваренной команде по котлете. По две не дал – нефиг перед обедом наедаться, и вообще, рецепт известен, теперь можно наделать котлет в любой момент. Жалко, свинины нет... ну ничего, может, из бегемотов котлеты будут вкусные.

Обедали втроём с абунотом и расом Бахыром. Рас был сначала немного скован от общения с Йесусом-Моа, всё же «меня» он знал с пелёнок, а абунот как-никак третье лицо в стране, из высшего духовенства. Но, поскольку Йесус-Моа наш человек, расслабился очень быстро.

Котлеты народ оценил. Абун сказал, что их надо обязательно включить в пасхальные и рождественские празднества, а Бахыр обещал что угодно за рецепт. Мы с абунем посмеялись и согласились передать поварёнка, знающего рецепт, Бахыру в распоряжение (заодно и «батька» негус подсядет на котлетки) – до завтрашнего отъезда успеет научить рецепту армейских поваров и даже сделать несколько пробных порций. Кулинарная революция свершилась! О мелочах вроде предстоящего многолетнего труда по развитию рецептур и внедрения новых блюд я скромно промолчу.

За кофейной церемонией я расспрашивал Бахыра об эфиопской армейской организации и вооружении. То, что я услышал, было неутешительным. Негус нагаст и негусы помельче держали свои собственные армии. Армии были постоянными, так как негусы вели кочевой образ жизни, и формировались негусами с детства или наследовались от отцов. Они были довольно хорошо обучены, но не слишком многочисленны – во время войны основную силу составляли ополченцы. Призыв и обучение рекрутов на поток поставлены не были. Высший командный состав набирался из аристократов – расов, таких как сам Бахыр.

С вооружением и тактикой было совсем уныло – сплошные копейщики и лучники. Причём, по словам Бахыра, луки были так себе, хуже вооружения магометан. Сабли и мечи попадались, но их было сравнительно мало – мечник являлся почти редкостью, а двурукий боец вроде моего Берхана – большой редкостью. Брали в основном числом, а не умением, – если постоянные войска были достаточно профессиональны, то ополчение составляли в лучшем случае охотники, а зачастую – просто народ «от сохи». Слабым местом была и сработанность дружин негусов и ополчения. Радовало то, что у местных мусульман с тактикой и организацией было лучше, но ненамного. Местные царьки не имели опыта турок и северных арабов, закалённых в войнах с крестоносцами и Византией. Ну что ж, будем улучшать и армию. Кадры, кадры, где бы вас найти?

Тем временем кофепитие подошло к концу. Рас распрощался и уехал обратно в войско, а я с командой и царской кошкой направился к кузнецу.

Для кузнеца у меня был очередной проект. Я решил заняться самогонованием. Производство спирта я планировал в любом случае, но, унюхав медовуху за завтраком (царь, вредина, «сыну» не налил, а спрашивать показалось неуместным), решил не откладывать начинание. Берта всё ещё работал над формами для мясорубки, но время обсудить очередной проект у него было. Когда я объяснил Берте концепцию перегонного куба, Берта меня удивил – оказывается, арабы уже делали подобные аппараты, и Берта был хорошо знаком с их изготовлением. На моё удивление познаниями в общем-то деревенского кузнеца Берта поведал мне свою историю. Оказывается, родился он на северо-востоке, на границах с землями Джибути. Семья его (отец был также кузнец) работала на джибутийского купца, который кроме всего прочего делал товар для алхимиков. Вот там-то Берта и попрактиковался в изготовлении перегонных кубов. В зрелом возрасте Берта почувствовал тягу к земле предков и вернулся в Эфиопию. Будучи отличным кузнецом, он довольно легко нашёл работу при перестройке и восстановлении монастыря Святого Истифания на озере Хайк – нашего монастыря. Здесь он также нашёл себе невесту и осел в деревне.

Я обрадовался и заказал ему сразу пару перегонных кубов. К моей радости, Берта мог их делать без ущерба работам по мясорубке. Был у меня для кузнеца ещё один заказ. Перегонный куб есть изделие несовершенное для разделений комплексных смесей. И если для самогона он более или менее подойдёт, то для разделения нефти или получения высококачественного спирта может быть проблематичен. Даже денатурат с сивухой не так легко отсекается при самогоноварении – дед в своё время научил. То есть в теории-то легко: отрубил хвосты, повторил дистилляцию и отрубил хвосты снова. После тройной дистилляции нормуль. В теории. Ведь точка кипения точкой кипения, но испарение различных продуктов происходит по всему спектру температур, и даже при отсечке перегонный куб даст «спирт», смешанный с денатуратом

(ещё бы вспомнить, из чего сей продукт состоит химически) и сивухой. То, чего хватит для самогона, может создать проблемы в топливе, например. Да и сам процесс отсекаания хвостов не слишком технологичен и неудобен в промышленных масштабах.

Для долгосрочной перспективы задумал я фракционирующую колонну. Как же её порусски... ага, ректификационную (прогрессор копчёный). Да, хрен редьки не слаще. Принцип колонны прост: внизу кипятим, и наверх идут испарения. Сверху вниз пускается конденсат, собирающий пары. На разных высотах стоят точки сбора, и эти точки сбора позволяют с максимальной эффективностью и чистотой выделить конечный продукт без всяких химических ухищрений. Конечно, с первого раза у меня хрен что получится, но коли освоим технологию, то спирт будет производиться массово и качественно. А в перспективе я думал использовать северные вулканы – вместо того, чтобы жечь дрова и уголь, можно для кипячения продуктов использовать геотермалку. Опять же, температуру будет держать куда лучше дровяного костра. Впрочем, всё это я рассказываю скорее самому себе – чтобы вспомнить, что это я задумал и как оно должно работать.

Тут-то меня Берта и обломал, сказал, что трубы в несколько метров он не осилит, разве что сделает котлы-кипяильники. И вообще, от концепции дистилляционной колонны он несколько поплыл. Я сам виноват – в Средневековье физику не учат, нечего грузить неподготовленные умы. Покумекав, я решил попробовать нагрузить колонной местного гончара. Для начала нужны лабораторные колонны, нужно адаптировать конструкцию, довести технологию до ума, определить высоты получения дистиллятов... много чего нужно, и всё будем делать методом научного тыка. Алхимика, что ли, найти себе в ассистенты? Заказав медных и бронзовых трубок помельче (не пропадут в любом случае), я пошёл припахивать гончара.

Гончар согласился протестировать идею – принц заказывает и деньги даёт, как тут не пойти навстречу. Подумав, я сказал делать трубы сегментами – нужен будет доступ внутрь колонны, потом замажем глиной для герметичности. Устанавливать конструкцию решили врыв в холм – меньше проблем со стабильностью. Чую, что разных проблем будет море и перестраивать будем не один десяток раз. Теория теорией, но на практике я действительно не знаю, как подходить к этому барану.

Время до ужина ещё оставалось, так что я решил загрузить Жена и бойцов учёбой, а Артемиду молочком. В монастыре мы разжились лакомством для котейки и уже привычно оккупировали сад. По дороге я начал высматривать, чем занимаются монахи, – мне нужны были образованные помощники для спиртогонной экспериментации. Один Жен всё не вытянет, тем более что он нужен мне для организационных и административных работ. И вообще, пора церкви привыкать к научной деятельности в тесном сотрудничестве с короной. С завтрашнего дня начну капать на мозги Йесусу-Моа.

Мои бойцы снова принялись за грамоту. Должен сказать, что эфиопская грамота была построена весьма нерационально и молила о реформе алфавита. Эти тёмные негры вместо того, чтобы выделить гласные в отдельные буквы, наштамповали клонов согласных «на все случаи жизни». Взойду на трон – сразу же пропишну новый, окультуренный алфавит, а старый оставлю церкви – для «крутости». Если повезёт, то уговорю негуса нагаста, и не придётся ждать вхождения на трон. Тем более что книгопечатание с нынешним ужасом – жёсткий мазохизм.

Я же начал втолковывать Жену концепцию переменных. Дело шло туго, пока парня не озарило.

– Принц, переменная – это как коробочка, да? Внутри может быть что угодно, так?

Вот так вот. Годы школы, институт. Работа в финансах, где эти переменные хоть половником хлебай. А в конце концов чумазый средневековый негр выдаёт аналогию, до которой ваш тренированный мозг сам не может дойти. То ли Жен такой умный, то ли я такой тупой... Ладно, не буду расстраиваться, спишу всё это на инерцию мышления.

– Так, Жен, всё правильно.

После этого прогресс пошёл по нарастающей. К ужину Жен освоил концепцию простых уравнений (пришлось «изобрести» знаки операций и равенства) и тренировался переводу задач в форму уравнений.

– Если Кааса заставил тебя оббежать монастырь на три круга больше чем Берхан, а всего ты пробежал одиннадцать кругов, то сколько кругов тебя заставил бежать Кааса, а сколько Берхан?

Математика ударными темпами. Страшно подумать, что могло бы вырасти из Жена, если бы ему в детстве попался настоящий учитель... какой-нибудь эфиопский Ньютон, наверное. Ну ничего, я его натаascaю, будет мне ещё уравнения для оптики и прочего выводить.

За занятиями в Начальной Школе имени Ягбы Циона я не заметил, как подошло время к ужину. Ужин был в лагере у негуса нагаста. Ужинали вчетвером: царь, абун, я и Артемида – царскую кошку я везде таскаю с собой. На ужин были котлеты – Йесус-Моа постарался и протолкнул их в меню. Негус нагаст оценил кулинарное новшество положительно, поведав нам по секрету, что однообразие эфиопских мясных блюд давно пора развеять. А ещё он поинтересовался у меня об источнике моих кулинарных познаний. Попал я, как говорится.

– Кошка научила – ей кефту со специями нельзя, вот и пришла идея.

Негус аж поперхнулся, а Артемида цапнула меня за палец.

– Ты что, сын, нас животной едой кормишь?

Дебил. Три раза дебил! Быстро выкручивайся!

– Какой животной? Кошка не человек – котлеты есть не будет. Я же говорю, идея мне пришла, когда кошку кормил фаршем. Подумал, а что, если взять свежее мясо, как на кефту, и вместо того чтобы глушить вкус специями – мясо ведь свежее, непорченное, – добавить лука для нежности и зажарить, а теф с яйцом добавил, чтобы мясо не рассыпалось. Как видишь, отец, получилось.

– Действительно, получилось. А с чего это тебя вдруг на стряпню потянуло? То грибы, то вот эти котлеты... Не царское это дело – готовить.

И смотрит на меня «добрыми» глазами. А ведь это шанс. Шанс начать толкать идею научной революции.

– Видишь ли, отец, тут не в стряпне дело, стряпня – это мелочь, правда, мелочь с умыслом. Вкусная еда – одна из сравнительно дешёвых радостей в жизни. Подарив людям рецепт котлет, я делаю им подарок, который мне ничего не стоит. В то же время я немного меняю их жизнь к лучшему – праздничные дни станут ещё чуть радостнее. И в то же время это первый камень в фундамент осознания того, что изменения в жизни, идущие сверху, – изменения к лучшему. С грибами не получилось – восточные грибы мало у кого есть, а от местных грибов народ будетдохнуть. А котлеты пойдут в дело. Сначала в монастыре, в деревне, в твоём войске, а потом разойдутся по всей стране.

– Хитро ты закрутил, сын. И что же ты собираешься менять?

– Пока не знаю, мне ещё многое надо узнать о нашей стране и соседях. А в перспективе... нам нужны порты, флот, связь с остальным миром. Нам нужна сила, да такая, чтобы случившееся с Аксумом никогда не повторилось. И ещё нам нужно сделать так, чтобы наша династия не выродилась, прослав то, что мы построим.

Негус смотрел мне прямо в глаза, не знаю, что именно он там увидел, но первым отвернул взгляд он.

– Да, сын, я не ожидал, что ты так изменишься. А ведь я боялся, что именно ты можешь стать тем, кто не удержит в руках Эфиопию. Ну что ж, учись. Учись всему, что сможет дать тебе Йесус-Моа и смогу дать тебе я. И пусть Господь даст тебе мудрость стать достойным правителем и знать, что нужно менять.

– Знание, что делать, он мне даст... – Уже дал. Теоретически. – Но вот как это делать... Этому я буду учиться у тебя, отец, и вдобавок набивать собственные шишки.

– Мяу!

Артемиде сидела внизу и смотрела на нас с таким серьёзным видом, что мы не удержались и покатались со смеху. Кошка, по-моему, немного обиделась и прыгнула мне на плечо, куснув меня за ухо, но после поглаживания за ушами и чесания под подбородком успокоилась.

Остаток вечера прошёл в расслабленной обстановке. Негус поведал о своих планах на северном походе – к Аксуму и границам земель мамелюков, потом на юго-запад в Гондар и к озеру Тана, и затем на восток, снова сюда. Сколько времени займёт поход, он не знал – многое зависело от погоды, покорности вассалов и прочих вещей, которые предсказать было нельзя. Негус примерно рассчитывал вернуться через три-четыре месяца. Ещё он поинтересовался моими впечатлениями о гвардейцах. Если он рассчитывал меня подколоть, то я его обломал:

– Хорошие бойцы. Из таких надо собирать специальные отряды, которые будут делать подянки врагу, а регулярная армия будет результатами этих подянок пользоваться. Ставить их в строй... можно, конечно, но будет малополезная трата их талантов.

– Подянки, говоришь?

– Да, воду там отравить, вождя ночью прикончить. Ещё разведку на таких возложить – пленных захватывать, засекать расположение противника. Возьми расов похитрее и засади их думать, каких гадостей они хотели бы в походе избежать. А спецотряды будут потом эти гадости устраивать врагам.

Негус задумку оценил, и, возможно, вскоре в Эфиопии появится спецназ.

Распрощались мы тепло – утром я, конечно, приду проводить армию в поход, но времени общаться уже не будет. Негус наказал мне впитывать мудрость абуна. О памяти он не заикнулся, видимо, прежний Ягба Цион ему и даром был не нужен. Ещё он подарил мне кинжал с напутствием: «Пусть разум твой будет остёр, как это лезвие». Красивый кинжал, с рукояткой и ножнами, отделанными серебром, но без лишней вычурности. А лезвие, на мой любительский взгляд, было из дамасской стали – по крайней мере, реквизитный узор был в наличии.

До монастыря мы с абуном добрались быстро. Вечерняя гигиена (где я оценил преимущества монастырского сортира над армейским) – и спать. Артемиде устроилась на своём обычном месте около моей головы, и я провалился в забытие.

Глава 3

Время сеять, время гнать самогон

День проводов. Всё население деревни и монастыря собралось проводить в путь любимого царя. Шум, гам, суматоха. Йесус-Моа провёл торжественное богослужение, благословляя войско негуса. Это было что-то! Похоже на наш родимый крестный ход, с песнями и молитвами, но в исполнении разодетых негров с непривычными крестами. Как наследнику, мне в этом балагане полагалось почётное место, так что я в комфорте и с кошкой за пазухой (Артемиды, как всегда, вовремя спряталась) просидел весь бедлам. Ближе к полудню войско наконец-то выдвинулось, и народ стал расходиться. Я же отыскал абуна, чтобы скоординировать планы на ближайшее время.

– Утренние занятия мы с тобой возобновим послезавтра – завтра воскресенье, и утром будет литургия. Кстати, вечером я смогу тебя исповедать. Сейчас я собираюсь заняться делами школы, но вечером у нас будет время пообщаться.

Исповедь? Могут быть проблемы... Погоди-ка, школа? Какая такая школа?

– Йесус-Моа, какая школа?

– А ты не заметил? При нашем монастыре есть школа. Я основал её... ох, много лет назад, когда поселился здесь. В ней учились и твой отец, и Текле Хайманот.

И как я должен был эту школу заметить, если вывесок никто не изобрёл? А на то, чтобы отличить послушника от козопаса, моего могущества пока не хватает.

– А чему в ней обучают?

– В основном Закону Божьему, истории нашей страны, философии. И конечно же грамоте и счёту.

Я аж сел. Артемиды недовольно мявкнула. Прошляпить такой ресурс прямо под носом! А Жен ведь упоминал, что в монастыре учат.

– Ягба, что с тобой?

– Уже всё нормально. – Я поднялся с коряги, на которую только что хлопнулся. – Дело в том, что я третий день обучаю Жена арифметике, а своих бойцов грамоте. И оказывается, что у меня прямо под боком целая школа. Это же золотое дно!

– Принц?

– Школа – это же ученики, которым я могу передать знания! А они в свою очередь станут мне помощниками и учителями для наших земель!

Мой нездоровый энтузиазм, похоже, несколько напугал абуна.

– Какие знания, принц?

Но меня понесло. Я направил указующий перст к небесам:

– Те самые знания! Там ведь не только котлеты и спрос с предложением! – Я торжествуя посмотрел на абуна. – Йесус-Моа, я должен ознакомиться с программой обучения.

– С чем?

– Ну, с планом, по которому учителя учат учеников. Какие предметы учить первыми, какие давать позже. Сколько времени отводить на каждый предмет. Какие задания дают учителя для закрепления материала. Также какие учебники и пособия есть в монастыре.

Абун завис.

– Я впервые слышу о таком подходе к обучению...

Я немного сдулся. Да, здесь не университет. Ну ничего, будет вам университет.

– Учёба, как и многое другое, выигрывает от правильной постановки процесса. То, чему я обучаю Жена, можно давать детям семи-восьми лет при правильном подходе. А к возрасту Жена они смогут рассчитывать постройку зданий и каналов.

Абун впечатлился.

– Ты хочешь выучить много градостроителей? Восстановить города?

– Это тоже, но не только. Нужны будут тысячи мастеров-кузнецов, химиков, инженеров, просто учёных. Нужны будут учителя, учителя для учителей... Нужно очень много людей, а ведь жизнь человеческая весьма коротка. Боюсь не успеть.

– Зачем тебе это? Ты хочешь построить Вавилонскую башню?

А сам улыбается в бороду.

– Ну и шутки у тебя, абун. Нет, я хочу построить Эфиопию. В Писании сказано: «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда сюда», и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас». Так вот, я верю. Верю в то, что в мире вокруг нас Господь дал нам всё, что нужно для процветания. Надо лишь познать его творение вокруг нас и хорошо потрудиться. Египтяне воздвигли свои пирамиды, и что, неужели мы с верой во Христа не сможем сделать большего? – Я перевёл дыхание. – А начнём с малого. С десятка-другого учёных монахов, которых мы возьмём в этой самой школе и посадим за изучение мира и изобретение полезностей. Абун, я не маньяк, я только учусь.

Абун засмеялся:

– Да, принц, ты сильно изменился.

Ты даже не представляешь насколько... рассказать тебе, что ли, на исповеди?

– Посети занятия в понедельник утром и посмотри на то, как мы учим учеников в нашей школе. А я накажу учителям описать их... план обучения.

После этой плодотворной беседы с Йесусом-Моа я собрал свою команду и отправился знакомиться с откомандированной к нам полусотней. В военных делах я дуб – одно дело сливать профессионалам концепции из будущего, и совсем другое – на самом деле командовать солдатами. Так что я дал команду моим бойцам проинспектировать прикомандированную часть, а сам стал мотать на ус, что и как Берхан с Каасой инспектируют. К солдатам замечаний не было: негус оставил отборную полусотню для охраны наследника. Собственно, встречать было некуда. Мне показалось, лучшее, что я мог сделать для этих солдат, – это придумать более продвинутое оружие, а с тактикой они и сами, пожалуй, разберутся. Придумать, например, гранаты – отборные негры, все как один почти двухметрового роста, так и просились в гранадеры.

Чтобы не выглядеть совсем уж унылой какашкой, я спросил полусотника Сэйфэ о его планах на учения и караульную службу. Тут-то он и скис: оказывается, если о караульной службе понятие было – не дай бог какой-нибудь крокодил сожрёт наследника, – то учения в армии негуса... не практиковались. Были лишь индивидуальная подготовка и слабый намёк на строевую. Ну что ж, лови порцию «мудрости потомков», мой верный негр.

– В одной старой книге я прочитал такую мысль: не важно, что солдат делает, главное, чтобы он был занят. Жизнь воина в мирное время не полна развлечений, не так ли?

Сэйфэ вместе с моими бойцами заржал.

– Так вот, занять солдат можно просто так, а можно и с пользой. Мне живые памятники особо не нужны. Так что, Сэйфэ, подумай о том, чтобы погонять отряды по окрестностям, узнать рельеф местности, составить карты... Пусть воины потренируются в строевой подготовке. В другой умной книге я читал про фаланги Александра Македонского и про его сарисы. И меня почему-то терзает подозрение, что наши копья покороче его копий будут. Оружейник у нас есть, так что попробуйте наделать тренировочных копий и щитов – воины у тебя умелые. Посмотрите, полезны ли длинные сарисы против конной атаки. Когда нет войны, нужно думать, как победить врага в следующей войне. В нашем случае – как побеждать магометан...

В общем, полусотника я загрузил работой. Может, даже толк выйдет.

А вечером у нас исповедь. Чёрт, ну почему, как только кажется, что всё пошло гладко, случается какой-то облом? Мазафака, тудить её налево. С одной стороны, ну что мне стоит и дальше гнуть свою линию? Схавает же как миленький. Тем более что из меня верующий... аж два раза в год в церковь ходил – на Пасху да на Рождество. И все инстинкты вопят: молчи, собака, в тряпочку... Ну, допустим, негусу бы я точно не сказал – сожрёт. Абуну... ну, ему лапшу я на уши навесил, хотя с иезуитской точки зрения вроде как и не врал. Но вот исповедь... Что я, Богу буду врать? Тем более что вопрос веры для меня не стоит. Инопланетяне и природные катаклизмы – херня. Вероятность квантового переноса сознания от удара молнии... не смешите мои сандалии. И не то чтобы я боюсь – наоборот, мне страшно сказать абуну лишний кусок правды... просто врать на исповеди – запаadlo. Неправильно. Может, поэтому я никогда не ходил на исповедь в своей прежней жизни? Но, с другой стороны, попасть под экзорцизм... да пошло оно в жопу – читал я, как в Средние века башку сверлили. Башка, может, и не моя, но нахожусь я именно в этой башке...

Колбасило меня долго. Я даже отослал свою команду – мол, развлекайтесь, у вас выходной, а сам пошёл гулять вокруг озера. Лучше бы я этого не делал. Продефилировав в раздумьях минут двадцать, я поднял глаза от земли и упёрся взглядом в раззявленную пасть... бегемота! – ТВОЮ МА-А-А-А-А-АТЬ!

Рекорд мира по бегу был мне обеспечен. Не знаю, гнался за мной бегемот или нет, но даже если гнался, то не думаю, что он бы меня догнал, выдавая свои сорок километров в час, о которых вещала Википедия. Пришёл я в себя на коне одного из бойцов охранной полусотни около монастыря, причём я понятия не имел, как туда попал. Успокоив дыхание, я обнаружил, что позорно обоссал штаны. Проклятая Африка. В гнусном настроении я организовал себе новую одежду и омовение, а затем уныло поплёлся на исповедь. И смотри же, с одной стороны, исповедоваться меня, по нашей вере, заставить никто не может, но если забить на исповедь и литургию... принца не поймут.

В церкви с абуну мы были одни – простой народ посетил службу ранее, днём. Йесус-Моа подвёл меня к аналою и стал ждать. Я вздохнул и открыл рот толкать кое-как продуманную речь, но... осёкся. Мои терзания показались мне смешными. Чего я боюсь? Со мной сам Бог. Он привёл меня сюда, дал мне тело принца и знание языка. Он дал мне мою команду. И он только что дал мне знак – смерть, она вот, рядом ходит. Меня запросто может схавать бегемот или укусить малярийный комар. В конце концов, я сам всегда любил говорить, что на лжи ничего хорошего не построить. Так неужели я покажу себя сейчас ханжой и трусом? Нет уж. То, что я пиндос, не значит, что я – говно.

– Грешен я, Йесус-Моа. – Выбор сделан. – Когда я говорил, что потерял память, я сказал далеко не всю правду.

Абун посмотрел на меня с интересом. Подозревал ведь что-то.

– Про жизнь Ягбы Циона я действительно ничего не помню. Только то, что руки помнят – как пользоваться мисваком, как ездить на коне, говорить вон могу на амхарском и оромском, читать умею, а остальное – пустота. Но память у меня всё же есть. Я помню другую жизнь, прожитую очень далеко отсюда, в землях северных русичей, под другим именем.

– Что? Ягба, ты повредился рассудком? Что ты говоришь, какие русичи?

Нет, абун, крыша у меня не съехала, я был близок к этому, но нет. Я сосредоточился и, контролируя каждый звук, сказал абуну по-русски:

– На самом деле мой родной язык звучит несколько по-другому.

Йесус-Моа пошатнулся и опёрся о стену.

– Это действительно язык северных славян... – прошептал абун.

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя,
Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия,
Единородного,
Иже от Отца рожденного прежде всех век;
Света от Света, Бога истинна от Бога истинна,
Рожденна, несотворенна, единосущна Отцу,
Имже вся быша.
Нас ради человек и нашего ради спасения спшедшаго с небес
И воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася.
Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша,
и погребенна.
И воскресшаго в третий день по Писанием.
И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца.
И паки грядущаго со славою судити живым и мёртвым,
Его же царствию несть конца.
И в Духа Святаго, Господа истинного и животворящаго,
Иже от Отца исходящаго,
Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего
пророки.
Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.
Исповедую едино крещение во оставление грехов.
Чаю воскресения мёртвым, и жизни будущего века. Аминь.

Абун перевёл дух:

– Что я сейчас сказал?

– Символ веры, Верую во единого Бога, и дальше по тексту... Подожди, ты говоришь по-русски?!

– Нет, Ягба. Много лет назад, когда я был молод, повстречал инока из далёких северных земель... Паломничество привело его на нашу Святую землю, и он окончил свои дни в монастыре, где я рос. Вот и научил меня словам символа веры на его родном языке...

– Это и есть мой секрет. Я – Ягба Цион, не помнящий себя, но помнящий другого. Хотя, если честно, больше и сам не уверен, кто я... Я помню себя совсем другим... Но эти руки – мои руки, голос – мой голос, сердце – моё сердце.

– Йикуно Амлак просил Господа, чтобы он дал тебе мудрость, ибо ты был... плохим наследником. Я просил у него насытить моё любопытство и открыть твою тайну – и я, и негус видели, что ты изменился. Он исполнил оба наших желания, но какой ценой... Успокойся, принц, ты – Ягба Цион, чью бы ещё жизнь ни прожила твоя душа.

Абун поманил меня за собой. Мы отошли в подсобку, где он указал мне на стул и достал кувшин с церковным вином. Он налил себе чашку и выпил залпом. Достал ещё одну и налил уже на двоих.

– Пей. Я знаю тебя с пелёнок, и знал твоего отца с детства. Раньше ты был прямой, как стрела, и тупой, как дубина. Сейчас ты стал хитрый, прямо как твой отец. И, совсем как твой отец, не можешь врать на исповеди. Он, кстати, из-за этого норовил пропускать исповеди под любым предлогом. Но когда приходилось исповедоваться, выкладывал всё. Сначала я был его духовным наставником, потом Текле. Неспроста он возвысил именно нас... Знаешь, сначала я подумал, что ты просто сошёл с ума. Ты не одержим – да и сам это понимаешь, какая одержимость на Святой земле среди молитв? Но с ума сойти мог... Но вот когда ты заговорил на языке славян... которого знать ты не мог никак, я вновь осознал – пути Господни воистину неисповедимы. Я стар и многое повидал. Видел я и чудеса... Так что ты всего лишь ещё одно чудо,

сотворённое Господом нашим. Смотри только не зазнайся. – Йесус-Моа грустно улыбнулся. – А теперь рассказывай про свою жизнь во сне. Не оттуда ли законы спроса и предложения?

– Оттуда. – Я хряпнул свою чашку. Вино оказалось кисловатым и слабым, но приятным на вкус. – Я тебе ещё не всё сказал, абун. Жизнь эта прошла примерно через восемьсот лет.

Абун выронил чашку.

– Кстати, насчёт веры, я тебе немного соврал сегодня – я *знаю*, что человек, познав творение, может очень и очень многое. Хотя, может, и не соврал – я не знаю, сможем ли мы повторить сейчас то, что в той памяти люди строили восемь веков... но верю, что сможем.

Абун молча поднял чашку и налил нам ещё.

– Что за жизнь, хочешь спросить ты? Другая, очень другая. Хотя люди остались такими же. Так же любили, воевали, верили в Бога. Хотя веры было меньше, намного. Человек стал сильнее. Воздвигли города, что затмили собой Рим и Вавилон... Железные корабли избороздили все океаны. Железные птицы летали по небу и возили внутри людей с одного конца Земли до другого. Человек побывал на Луне, а железные птицы добрались и до далёких планет... Человек строил дома выше египетских пирамид, подчинил себе силу молний, оседлал реки и заставил их работать. Да что сейчас говорить...

– Опять Вавилонские башни.

Мы выпили ещё по одной.

– Да нет, не осилил человек Вавилонскую башню. Человек стал сильнее, познал больше, но совсем не стал мудрее. Так же разобщены народы. Нет единой веры – кто верит в Христа, кто в Магомета. На Востоке веруют в Будду и в языческих богов. Создали новые культы. Кто-то верит в то, что Бога нет вообще.

– Тогда зачем ты хочешь нести к нам эти знания, раз в той жизни было не меньше горя, чем сейчас?

– А зачем ещё Господь мне их дал? – Точнее, прислал меня, но не стоит, пожалуй, лезть в детали. – Зачем дал вам принца с памятью человека будущего? Эфиопия через восемьсот лет – захолустная африканская страна. Единственная, не ставшая колонией европейцев, но всё равно бедная и слабая. Доступа к морю у неё нет. Православие... Оно живо, но магометан очень много. Вообще, православие осталось в Эфиопии, на Руси, в Греции, Балканах и на Кавказе. Византия падёт лет этак через сто пятьдесят, и в Константинополе будут турки. На Западе есть два огромных континента, их заселят католики и протестанты – тоже католики, но отрёкшиеся от папы римского, – католическая церковь прогниёт до невозможности. Кстати, последнего негуса нагаста где-то через восемьсот лет и свергнут... Думаю, что не понравился Богу тот мир. Там говорили: знание – сила. Но сила сама по себе не есть зло или добро.

– Откровение...

– Не знаю. Ангелы со мной не говорили, просто помню ту жизнь, сам её прожил. На то, что сказал в Евангелии Иоанн, не похоже.

– Как звали того, чью жизнь ты помнишь?

– Алексей.

– Защитник... – Абун тяжело поднялся, возложил мне руку на голову и прочёл молитву о прощении грехов. – Ягба Цион, Господь изменил тебя и дал знания не просто так. Иди же и используй их во благо, но не во зло. Я помогу тебе и направлю твой дух по мере моих сил. И... продолжай говорить, что ты просто потерял память. Господь простит тебе этот грех.

Жен грыз яблоко. Принц сегодня рано отпустил его, сказав ему, Берхану и Каасе идти и наслаждаться выходным днём, пока они есть. Сначала Жен увязался за воинами – они не возражали, поскольку Ягба Цион назначил парня их учеником. Но бойцы отправились пить вино с полусотником Сэйфэ, который отправил Жена к солдатам... С солдатами Жену было неинтересно, и он пошёл гулять один.

Сегодня принц вёл себя странновато. Но если подумать, когда он не вёл себя странно? Жен усмехнулся и вспомнил, как он встретил принца. Монастырский лекарь отправил его и ещё двоих послушников помыть только что очнувшегося принца, и глупый Нишан полез омы-вать Ягбе Циону чресла... В гневe принц обозвал всех содомитами и выгнал вон. Нишана потом настоятель отправил в другой монастырь.

Принц был странный... Не то чтобы Жен знал много принцев, но он видел расов, приезжавших в монастырь, и слышал много историй про негусов, что правили Эфиопией. Правители всегда были заняты войной, изредка судами. Простолюдинов они замечали разве что когда пользовали девок в деревне. Девки... Жен завистливо вздохнул. Простому мальчишке, а потом послушнику, что не выдался ни силой, ни статью, с девками не везло. И хотя они влекли его, как и любого нормального парня, девки Жена просто не замечали. Ну ничего. Юноша гордо потерял новенькую синюю портупею и прикоснулся к фуражке. Теперь Жен личный слуга самого принца Ягбы Циона! Теперь заметят. Может, даже Абеба, дочь кузнеца Берты, заметит... Красивая она. Только вот отца-кузнеца боязно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.